

**Сундуева Екатерина Владимировна**

**Вербализация чувственного восприятия  
средствами корневых согласных [r/m]  
в монгольских языках**

специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы,  
Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии  
(монгольские языки)

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
доктора филологических наук

Улан-Удэ

2011

Работа выполнена в отделе языкознания Учреждения Российской академии наук Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор  
**Шулунова Людмила Владимировна**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор  
**Санжина Дарима Дабаевна**

доктор филологических наук, профессор  
**Дамбуева Полина Петровна**

доктор филологических наук, профессор  
**Чарков Сергей Леонидович**

Ведущая организация: ГОУ ВПО Калмыцкий государственный университет

Защита состоится 4 октября 2011 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Учреждении Российской академии наук Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2011 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета

Цыбикова Б.-Х. Б.

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность** предпринятого исследования определяется теоретическими и практическими задачами современной лингвистики с ее антропоцентрической направленностью, в центре внимания которой находятся языковая личность, вопросы взаимодействия языка и культуры, языковая картина мира, проблемы, связанные с восприятием и осмыслением языковой личностью способов вербализации перцептивного и эмоционального опыта. Современной лингвистике характерно стремление по возможности более полно и адекватно интерпретировать процесс языкового отражения представлений человека, формирующихся в зависимости от типа перцептуального канала получения информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить проблемы языковой репрезентации перцептивной информации как результата первичной ступени познания мира, а также недостаточной степенью изученности языковых единиц, отражающих такую сферу деятельности человека, как физическое восприятие.

В соответствии с многообразием и разнохарактерностью чувственно воспринимаемых объектов и реалий мира рассматриваемый в данной работе материал основан на классификации основных каналов получения сенсорной информации или отдельных органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. С помощью данных пяти модусов перцепции человек воспринимает объекты и явления, попадающие в область его когниции, а затем отображает свое восприятие мира в языке путем комбинирования звуков, способного к дифференциации смыслов.

Работа выполнена в русле комплексного подхода к языку и непосредственно связана с развивающейся лингвистической дисциплиной – фоносемантикой, появившейся на стыке фонетики, семантики и лексикологии. Теоретическое и практическое обоснование проблем звуковой изобразительности является чрезвычайно важным как для самой науки, так и для повышения ее статуса в ряду других лингвистических дисциплин.

В настоящей работе мы придерживаемся синестетической теории происхождения звукосимволизма (С. Ньюэн, М. Бенгли и Е. Вейрон, М. С. Майрон, Ф. Кайнц), согласно которой, в его основе лежат физические свойства звуков.

Важнейшими компонентами психофизиологической основы звукосимволизма, как известно, являются синестезия (от греч. *συναίσθησις* 'одновременное ощущение, совместное чувство') и кинемика (от греч. *κίνησις* 'движение'). Под синестезией традиционно понимается феномен восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств. К кинемам относятся мимические движения, обозначающие физиологические процессы в полостях рта и носа, мимические подражания неакустическим объектам и др.

Исследование базируется на изобразительной системе языка, представленной звукоподражательной и образной подсистемами. Их единицы обладают существенной и относительно устойчивой фонетически мотивированной связью между фонемами слова и признаком, полагаемым в основу именованного. Данный лексический пласт обладает рядом признаков: экспрессивность и конкретность семантики, фонетическая гипервариативность, стилистическая ограниченность (разговорная речь, фольклор, художественные произведения) и особый набор словообразовательных формантов, из которых в первую очередь следует отметить глагольный суффикс *-aui* и адъективный суффикс *-γar*, являющиеся самыми надежными «свидетелями» образного происхождения производящей основы.

В данной работе предпринята попытка спроецировать сетку признаков образных корней с «прозрачной» семантикой на признаки так называемой базовой лексики, включающей обозначения природных явлений, элементов флоры и фауны, номенклатуру частей тела, числительные первого десятка, глаголы, передающие элементарные действия и др. Подобный подход открывает широкие перспективы для изысканий в области этимологии, психолингвистики и лексической семантики монгольских языков. Проблема касается не только истоков существующих лексических значений, но и определения системности в лексической организации языка, что также свидетельствует об актуальности предпринятого исследования.

В качестве **объекта исследования** выступает лексика с корневыми согласными *[r/m]* в монгольских языках, включающая как подражания звуковым явлениям внеязыковой реальности, так и изображения зрительных, вкусовых, обонятельных, тактильных ощущений, механических воздействий, динамических состояний, психологических и иных характеристик человека. Монгольские языки наряду с тунгусо-маньчжурскими представляют особый интерес, прежде всего, в связи с необычайным богатством представленного в них изобразительного материала, часть которого свидетельствует о процессе перехода от звукоподражательных слов к образным. При этом семантический континуум, создаваемый с помощью корневых согласных *[r/m]*, поддается достаточно четкому структурированию.

**Предметом исследования** являются особенности трансформации семантики лексических единиц с корневыми согласными *[r/m]* в монгольских языках.

**Цель** исследования – определить принципы организации и развития семантического континуума, создаваемого с помощью корневых согласных *[r/m]* в монгольских языках, выявить его типологические и специфические черты.

Указанная цель определяет выполнение следующих **задач**:

- разработать системный подход к исследованию лексики, предполагающий анализ семантики лексем с учетом канала поступления перцептивной информации;

- определить спектр изобразительных слов и слов с затемненной этимологией с корневыми согласными *[r/m]* и определить в них главный канал поступления информации о денотате;
- изучить звукоподражательные возможности лексем с доминантами *[r/m]* в монгольских языках;
- выявить моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к характеристикам зрительного восприятия формы объекта;
- построить фоносемантические поля доминант *[r/m]*, отображающие информацию о форме денотата, с выявлением генеральных признаков;
- установить связь между акустико-артикуляционными особенностями согласных *[r/m]* и семантикой лексем, возникших в результате актуализации светового, вкусового, обонятельного и осязательного восприятия.

**Гипотеза** исследования заключается в том, что семантика монгольских лексем, связанных чувственным восприятием, зависит от акустико-артикуляционных признаков доминанты, символически положенных в основу номинации производных. Согласный *[r]* способен «озвучивать» работу экстеро- и интероцепторов, передающих внутренние полярные (преимущественно неприятные) ощущения и состояние возбуждения. Согласный *[m]* благодаря смычке губ служит для выражения значений, связанных с тишиной, сжиманием, собиранием воедино. Анлаутные и ауслаутные согласные корня служат для интенсификации значения, заложенного доминантой. Образные значения лексем, содержащие информацию о форме объекта, возникают в результате синестетического переноса «слух – зрение».

**Степень научной разработанности проблемы.** Проблема звуковой изобразительности неизменно привлекала внимание исследователей. Изучению звукосимволизма посвятили свои труды такие зарубежные и отечественные исследователи, как Д. Болинджер, Т. Кауфман, Х. Марчанд, Г. Мердок, Ю. Найда, С. Ньюмэн, Э. Сепир, И. и М. Тейлор, С. Ульман, Дж. Ферс, Л. Хинтон; С. В. Воронин, А. В. Михалев, А. М. Газов-Гинзберг, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий, В. И. Шаховский и др.

Изобразительная лексика алтайских языков рассматривалась Г. Рамstedтом, Н. И. Ашмарином, Н. К. Дмитриевым, М. Биттнером, А. Н. Кононовым, Л. Н. Харитоновым, Н. Б. Киле, Т. И. Петровой и др. Н. И. Ашмарин первым занялся изучением звукообразноподражательных слов, опубликовав ряд работ о подражаниях в чувашском языке [1918; 1925; 1930]. Исследования Н. К. Дмитриева, посвященные мимемам тюркских языков юго-западной группы, дали толчок к изучению данной лексической группы в других тюркских языках: туркменском, каракалпакском, башкирском, казахском, киргизском, хакасском, якутском [Исхаков, 1951; Кудайбергенов, 1957; ГХЯ, 1975; Харитонов, 1947].

В монголоведении А. А. Бобровников впервые рассмотрел категорию изобразительных слов в «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» [1849].

Г. Д. Санжеев относит звукоподражания к категории междометий [1941], Д. А. Алексеев звукоподражательные и мимико-подражательные слова относит к наречиям, отмечая, что они обозначают не отдельное понятие, а целый образ [1941]. В 1958 г. в отдельной статье Ц. Б. Цыдендамбаевым проведен структурно-морфологический анализ изобразительных слов в бурятском языке, выявлены их синтаксические функции. Другая статья Ц. Б. Цыдендамбаева [1960] посвящена сравнительному описанию изобразительных слов в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках.

Наиболее детальное и разностороннее изучение бурятских образных слов с привлечением большого количества фактического материала предпринято в монографическом труде Л. Д. Шагдаровым [1962]. Данное издание не только дает исчерпывающее описание системы изобразительных слов в бурятском языке, но и является основой для ее изучения в дальнейшем.

Изобразительные слова в качестве образных средств в бурятской литературе рассматриваются Д. Д. Санжиной [1991, 2009], Ц. Ц. Бальжинимаевой [1999]. В калмыцком языке рассматриваемая категория слов исследовалась Б. Б. Манджиковой [1976, 1981]. В 1983 г. по данной теме ею была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

В отличие от тюркологии монголоведение не располагает большим количеством исследований по этимологии. В плане семантической реконструкции монголызычной лексики несомненную ценность представляет корневой словарь монгольских языков, созданный ученым из АРВМ КНР Сеченчогту [1988], в котором даются монгольские корневые морфемы с привлечением тюркских параллелей.

Монгольский материал в сопоставлении с алтайскими языками широко представлен в «Этимологическом словаре алтайских языков» [EDAL], составленном коллективом авторов: С. А. Старостиным, А. В. Дыбо, О. Мудраком (при содействии И. Грунтова и В. Глумова), а также приводится в качестве параллелей в семитомном издании «Этимологического словаря тюркских языков» и двухтомном издании «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков». Семантическая реконструкция монгольских соматических терминов (плечевого пояса) предпринята в работе А. В. Дыбо [1996].

Проблемам этимологии монгольского лексического фонда посвящены работы М. Базаррагчаа, Ц. Өнөрбаяна, А. Лувсандэндэва, Ш. Чоймаа, Ш. Барайшира, Ц. Шагдарсүрэна и др. Так, М. Базаррагчаа принадлежит четырехтомная монография «Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь» [1992, 1995], в которой автором освещаются некоторые аспекты взаимосвязи звука и смысла. Также в качестве источников по этимологии можно следует работы Т. А. Бертагаева, Б. Я. Владимирцова, Л. Лигети, Н. Н. Поппе, Г. Ц. Пюрбеева, Г. Рамстедта, В. И. Рассадина, Г. Д. Санжеева, Б. Х. Тодаевой, С. Л. Чарекова и др.

**Методологическая и теоретическая основа диссертации.**

Среди работ, послуживших теоретической базой настоящей диссертации, следует назвать труды С. В. Воронина, А. Б. Михалева, А. А. Леонтьева, А. П. Журавлева, В. В. Левицкого, А. М. Газова-Гинзберга и др. Методологической базой исследования также послужили положения современной ономазиологии и лингвистической семантики. В трудах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Н. Д. Голева, Д. Кацнельсона, Г. В. Колшанского, Н. Г. Комлева, Е. С. Кубряковой, Б. А. Серебренникова, В. Н. Телия, Ю. С. Степанова, А. В. Суперанской и др., представляющих ономазиологическое направление исследования языка, изучается номинативная или репрезентативная функция языковых единиц. Методологическими ориентирами также послужили труды специалистов по языковой перцепции: А. Вежбицкой, Г. И. Кустовой, Г. И. Рузина и др. Построение гипотезы исследования, а также интерпретация эмпирических данных предопределили обращение к работам в сфере психофизиологии, паралингвистики, этнолингвистики, антропологии, философии и др.

Диссертация основывается на общенаучных принципах познания: анализе, синтезе, индукции, типологизации, аналогии и сравнении; на диалектическом принципе взаимосвязи объективного и субъективного, принципе системного и сравнительного анализа. Использованный в работе системный подход к проблеме звуковой изобразительности базируется на принципах междисциплинарности и эмпиричности.

Для решения поставленных задач в исследовании используются следующие **методы**:

- описательно-синхронический метод;
- фоносемантический анализ, направленный на установление корреляций между артикуляционно-акустическими характеристиками звуков и лексической семантикой;
- компонентный анализ;
- метод фоносемантического конструирования, предполагающий построение фоносемантических полей на основании гипотетической соотнесенности корневых согласных  $[r/m]$  различным ядерным значениям;
- сравнительно-сопоставительный метод;
- метод статистического анализа и содержательной интерпретации материала.

**Научная новизна** исследования заключается в новом целостном подходе к изучению лексического состава монгольских языков, основанном на проецировании признаков изобразительных слов, восходящих к определенным звукам и образам, на признаки базовой лексики монгольских языков. Несмотря на то, что в процессе эволюции языка система изобразительных слов в монгольских языках постепенно была вытеснена на периферийную позицию, она «пронизывает» весь основной корпус базовой лексики монгольских языков, о чем свидетельствуют результаты предпринятого исследования. В работе впервые предпринята попытка

категоризации и вербализации физических ощущений, кодирующих фрагменты субъективной сферы личности, внесения категориальной четкости в недостаточно структурированное на данный момент семантическое пространство изобразительных слов.

В диссертации вводится новое понятие *доминанты*, носителя генерального признака. Впервые выделено участие в вербализации ощущений обонятельного и вкусового модусов перцепции, классифицированы лексемы, возникшие в результате языковой актуализации осязательных ощущений, на основе работы экстеро- и интероцепторов.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в том, что в нем проведен комплексный анализ номинационного потенциала согласных  $[r/m]$ , позволяющий установить взаимосвязь между их акустико-артикуляционными характеристиками и значением лексической единицы. Исследование фоносемантических характеристик корневых согласных  $[r/m]$  уточняет лингвистические и психологические представления о связи восприятия и познания. Представленная концепция вербализации чувственного восприятия, основанная на таких понятиях психофизиологии, как синестезия и кинемика, позволяет раскрыть системность и специфику данного процесса в монгольских языках.

Работа вносит определенный вклад в разработку проблем номинации с учетом особенностей национального мировидения, что может способствовать решению таких вопросов, как соотношение языка и мышления, языка и культуры, взаимодействие чувственных и рациональных компонентов в процессах номинации и др. Выявление системы актуализации чувственного восприятия и приемов семантической интерпретации кинетических свойств согласных-доминант способствует дальнейшему развитию общей теории монгольского языкознания, развитию фоносемантической типологии в алтайских языках. Модель языковой актуализации системы восприятия средствами доминант  $[r/m]$  может быть использована при исследовании способов актуализации средствами других доминант не только в монгольских, но и в других языках мира.

**Практическая значимость** работы состоит в создании банка данных образных слов с корневыми согласными  $[r/m]$ , сгруппированных по способам поступления перцептивной информации. Данные материалы также могут быть использованы в лексикографической практике. Результаты проведенного исследования могут найти применение при разработке теоретических курсов по лексикологии монгольских языков, спецкурсов по проблемам мотивированности языкового знака, теории номинации, лингвистической семантике и межкультурной коммуникации.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Семантика корня в первую очередь зависит от акустико-артикуляционных свойств ведущего корневого согласного (доминанты), в котором заложена базовая информация о чувственно воспринимаемых явлениях, при широкой вариативности гласных, а также анлаутных и ауслатных (не доминантных) согласных;



2. Доминанта [m], обладая ограниченными звукоподражательными способностями, служит для формирования поля нулевой фонации;
3. Звукосимволические значения лексем с доминантами [r/m], актуализирующих информацию о форме объекта, являются результатом семантической эволюции звукоподражательных значений;
4. Согласные [r/m] служат для актуализации противоположных признаков: «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «мужской ↔ женский», «яркий ↔ тусклый», «кислый ↔ сладкий», «шершавый ↔ пушистый», «твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный»;
5. Такое акустико-артикуляционное свойство согласного [r], как дрожание кончика языка, способствует выражению в монгольских языках признаков, в большинстве случаев связанных с внутренним дискомфортом, неприятными ощущениями и чувствами (громкость, яркость, боль, холод, страх, стыд, зависть и др.). Кроме того, с его помощью может передаваться возбужденное состояние организма (счастье, любовь, страсть и др.);
6. Большинство лексем с доминантой [m] возникло на основе такой кинетической характеристики согласного, как смыкание губ.

**Материалом для исследования** послужили различные лексикографические источники: двуязычные, этимологические и толковые словари и пр. В исследовании также использовались диалектологические и фольклорные материалы, экспедиционные записи.

Формы из старописьменного монгольского языка приводятся в соответствии со словарями О. М. Ковалевского и Ф. Лессинга со ссылками. Формы, не имеющие ссылок, а также формы халха-монгольского языка приведены в соответствии с «Большим академическим монгольско-русским словарем» [2001–2002]. Рефлексы из бурятского, калмыцкого языков и языка ойратов Синьцзяна без ссылок приводятся на основе «Бурятско-русского словаря» Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова [2006, 2008], «Калмыцко-русского словаря» под ред. К. М. Муниева [1977] и «Словаря языка ойратов Синьцзяна» Б. Х. Тодаевой [2001]. Данные по ордосскому и южно-монгольским языкам берутся из «Etymological dictionary of Altaic languages» С. А. Старостина, А. В. Дыбо, О. А. Мудрака (при содействии И. Грунтова и В. Глумова) [2003] со ссылками. Рассматриваемая лексика дается в орфографии источников.

Среднемонгольские формы выбраны как из восточномонгольских, так и западномонгольских памятников: *Тайная история монголов* (сер. XIII в.); китайско-монгольский словарь *Хуаи иуй* Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.); арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь *Мукаддимат ал-Адаб* (XIV в.), арабско-монгольский словарь *Китāб Хилйат ал-Инсāн ва Халбат ал-Лисāн* Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.); арабско-персидско-турецко-монгольский словарь *Шамиль үл-Лугат* (кон. XV – нач. XVI в.); монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь *Китāб Маджме' Тарджумāн Туркй ва 'Аджамй ва Муғалй ва Фārсй* Халила б.

Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (1343 г.). Преклассические монгольские формы даны по изданию Д. Тумуртоого [2006].

В целях выявления типологически сходных и специфических мотивационных признаков нами привлекается лексика других алтайских языков с корневыми согласными  $[r/m]$ , однако, на наш взгляд, необходимо проведение идентичных исследований на материале тюркских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков.

**Апробация работы.** Основные положения исследования нашли отражение в докладах и выступлениях на международном симпозиуме по монголоведным исследованиям Китая (Хух-хото, 2005), II Байкальской международной ономастической конференции «Имя. Социум. Культура» (Улан-Удэ, 2008), международном симпозиуме «Имена в экономике-3: Имена как язык и капитал» (Амстердам, 2009), международной конференции «Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия» (Улан-Удэ, 2009), IV международном симпозиуме «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему» (Улан-Удэ, 2009), международной школе-семинаре по психологии и когнитологии «Березинские чтения-6» (Москва, 2010), международной научной конференции «Монголоведение в изменяющемся мире: проблемы и перспективы» (Улан-Батор, 2010), межрегиональной конференции «Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры» (Иркутск, 2010), международной научной конференции «Языки и письменные источники монгольских народов», проведенной в рамках Конвента монголов мира (Улан-Удэ, 2010), «Новая эпоха монголоведения» (Улан-Батор, 2011).

Основные результаты диссертации опубликованы в 3 монографиях, а также ряде научных статей по проблеме диссертационного исследования. Апробация представлена публикациями общим объемом 43 п.л. Из них 12 статей общим объемом 6,2 п.л. опубликовано в рецензируемых журналах.

**Структура и объем работы.** Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения и библиографии.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследуемой проблемы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту, излагаются теоретико-методологические основы и характеризуются источники исследования, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации.

Первая глава «**Морфологическая структура первичного лексического ядра с корневыми согласными  $[r/m]$** » посвящена исследованию морфологической структуры общемонгольской лексики с корневыми согласными  $[r/m]$ , установлению фонетической структуры ядра первичных корневых морфем, выявлению словообразовательных типов, действовавших на ранних этапах эволюции монгольских языков.

В работе нами рассмотрены четыре типа корней:

1.  $V+C_D$  (*ar-a-l*, *er-e*, *or-u-ngʻa*, *um-ai*);
2.  $C_{un}+V+C_D$  (*ber-e-ge*, *sür-e-g*, *nam*);
3.  $V+C_D+C_{aus}$  (*örb-e-lge*, *ert-e-ger*, *amč-i-γar*);
4.  $C_{un}+V+C_D+C_{aus}$  (*sorm-u-su*, *sarb-a-ljī*, *bamb-ai*).

В рассмотренных типах фигурирует от одного до трех составляющих консонантов:

1) согласный-доминанта ( $C_D$ ) является носителем генерального признака. В звукоподражательных словах он передает основной характер звучания. В доминанте образных слов закодирована базовая информация о денотате: его форме, размере, цвете, свойствах поверхности, динамических состояниях, психологических и иных характеристиках и пр. Он может занимать позицию в ауслaute корня (типы 1 и 2), либо в инлауте (типы 3 и 4);

2) анлаутный согласный ( $C_{un}$ ) в звукоподражательных словах индицирует начальную фазу развития звука. В образных словах может либо смягчать, либо усиливать степень проявления генерального признака;

3) ауслautный согласный ( $C_{aus}$ ) в ономатопах моделирует конечную фазу звучания<sup>1</sup>, согласные [*s*], [*d*] указывают на моментальность совершения действия. Вносит дополнительный оттенок в семантическую структуру образного корня. Например, фонемы [*b*], [*l*], [*m*], [*n*] вносят оттенок смягчения признака, [*č*], [*j*], [*s*] – шуршания, шероховатости и др.

Следует отметить, что в монгольских языках представлены и другие типы корней. Например, корень, состоящий из одного только консонанта ( $C_D$ ) \**j*, в лексеме п.-мо. *ǰ-ö-gei* [Less. 1074], мо. *зөгий*, бур. *зүгы*, калм. *зөг*, ойр. *зөг* ‘пчела, шершень’, образованной с помощью форманта *-gei* от корня *j*, представляющим собой звукоподражание (*ǰ-ǰ-ǰ*). Кроме того, можно отметить функционирование изобразительных корней с дифтонгами, долгими гласными: ( $C_{un}$ )+ $V_{diph}$ + $C_D$ +( $C_{aus}$ ) (например, п.-мо. *qair-a-γar* ‘мерно покачивающийся’);  $C_{un}+V+V+C_D$  (п.-мо. *γoul* ‘река; долина’, *qour-a* ‘яд, отравка’) и долготными комплексами ( $C_{un}$ )+ $V+C_i$ + $V+C_D$ +( $C_{aus}$ ), где  $C_i$  – интервокальный согласный [*γ/g/y*].

Удлинение звукоподражательного или образного корня в ряде случаев могло быть обусловлено стремлением передать длительность звучания, интенсивность проявления признака. Например, ср. параллельное функционирование корней \**ber(b)* и \**beger* в п.-мо. *berbeyi-*, мо. *бэрвий-* ‘коченеть, деревенеть от холода’ и п.-мо. *begere-*, мо. *бээрэ-*, бур. *бээрэ-*, калм. *бээр-* ‘зябнуть, мерзнуть’; корней \**kör(k)* и \**köger* в бур. *хүрхэ* и *хөөргэ* ‘кузнечные меха; горн’. Часто удлинение вокалической составляющей корня происходило уже на более поздней стадии развития языков: п.-мо. *sümeteg* [Kow. 1430], мо. *сүмгэр* и *сүүмгэр*, бур. *хүүмэгэр* ‘тусклый, неясный; мерцающий (о свете)’; п.-мо. *ömüger*, бур. *үмэгэр* и *үүмэгэр* ‘суженный, сжатый’. Однако данный тип корней, несомненно, требует особого

<sup>1</sup> Ср. мо. *tülk-e-* и рус. *толк-*ать, *бульк-*ать, *с-молк-*ать, *чирк-*ать и др.

рассмотрения в связи с необходимостью установления номинационного потенциала согласных  $[ɣ/g]$  в качестве доминант. Дальнейшие исследования, очевидно, позволят выявить другие типы корней.

Известно, что в монгольских языках, как и в других языках мира, на границе морфем допускаются не все звукосочетания. В связи с этим в процессе образования производного слова соединяющиеся морфы стремятся к взаимному приспособлению. Так, в ряде случаев наблюдается появление гласного в корне (*emüis-* ‘одевать’, *parib-a-γar* ‘толстый, грубый’), однако наиболее характерна для эпентетических гласных позиция на морфемном шве. Также нами не рассматривается в составе корня конечный гласный, возникший в результате парагоги, т.е. эпентезы, имеющей место на конце слова в целях облегчения произношения на стыке слов. Например, в *em-e* ‘женщина’ выделен корень \**em* типа V+C<sub>D</sub>.

Как отмечалось выше, в качестве доминант в данной работе выступают согласные  $[r]$  и  $[m]$ , выбор которых обусловлен тем, что именно с их помощью в монгольских языках реализуется диада «мужской (*эр*) – женский (*эм*)», представляющая собой фундаментальную оппозиционную пару, которая занимает важное место в ряду представлений, отображающих модель мира. Кроме того, они формируют такие базовые оппозиции, как «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», ««твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный», «шершавый ↔ пушистый», «кислый ↔ сладкий» и др. Предварительные результаты исследования фоносемантических характеристик других согласных в позиции доминанты свидетельствуют о том, что их в целом можно разделить на два класса: твердые/сильные и мягкие/слабые. К твердым кроме  $[r]$  относятся аффрикаты  $[ʃ]$  и  $[č]$ , к мягким – сонорные и смычные  $[l]$ ,  $[n]$ ,  $[b]$ , что решающим образом зависит от кинетических особенностей фонем.

Доминанты  $[r/m]$  обладают следующими акустико-артикуляционными характеристиками. Ртовый, переднеязычный, дрожащий сонант  $[r]$  артикулируется кончиком языка, немного приподнятым над остальной его частью. Кончик языка пассивно колеблется в струе проходящего воздуха, образуя одну или несколько кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол. Известно, что в алтайских языках согласный  $[r]$  является одним из звуков, не встречающихся в позиции корневой инициали. Кроме того, для него неприемлема недоминантная позиция в ауслауте корня.

Носовой, билабиальный сонант  $[m]$  образуется смыканием губ при одновременном опускании небной занавески, что обуславливает одноканальный выход воздушной струи через полость рта, губы при этом напрягаются очень слабо. Данный согласный, напротив, обладает способностью выступать во всех трех позициях корня.

Доминанта, по сути, представляет собой инвариант, допускающий вариативность других консонантных элементов корня и практически свободную вокалическую вариативность. Исследование вокалических чередований в образных корнях показывает то, что они не обладают

способностью кардинально менять семантику, заданную консонантным составом корней.

Корневая звукоподражательная морфема представляет собой последовательность дифференциальных признаков того или иного звучания, отражающих стадии его произнесения. Комбинирование звуков в конечном итоге приводит к дифференциации смыслов, что подтверждает возможность ментального разложения звука в своеобразный артикуляционный спектр.

Ядерные изобразительные значения складываются из семантического потенциала трех консонантных компонентов корня. Очевидно, что позиции анлаутного и ауслаутного консонантов менее значимы, нежели позиция доминанты. Наблюдаются случаи, когда один и тот же тип согласных как в анлауте, так и в ауслауте служит для передачи одного значения. Так, от корней *\*irj/irš* ↔ *\*sir* образованы п.-мо. *irj-i-gir* ‘шершавый, грубый’ и п.-мо. *sirügün* ‘шероховатый; жесткий’; от *\*örs/örj* ↔ *\*jör* – п.-мо. *örisüldü-* ‘соперничать, оспаривать’ и *jörildü-* ‘противоречить, пререкается’.

Более 36 % корней способны самостоятельно передавать конкретное предметное значение, около 6 % из них могут оформляться конечной согласной [n]. Фонетическая структура этих существительных может либо полностью совпадать с таковой корня, либо дополняться конечным гласным, возникшим в результате эпентезы согласно законам морфонологии. Например, *jer* ‘оружие’ [Kow. 2324], *ir* [Kow. 318] ‘лезвие, острие’; *čar* ‘верхний слой снега’ [Kow. 2026]; п.-мо. *šoru* ‘вертел’ [Kow. 1542]; п.-мо. *čembe* [Kow. 2120] и др. Очевидно, эти существительные появились в языке как наиболее характерные «воплотители» передаваемого ими образа.

Основная часть субстантивных форм (64 %) с доминантами [r/m] оформляется первичными словообразовательными формантами, которые разделены нами на три условные группы: 1) «группа -*day*», состоящая из аффиксов, оканчивающихся на согласный [ɣ] и формирующая 21 % субстантивов; 2) «группа -*dai*», включающая форманты, оканчивающиеся на дифтонг. На их долю приходится 11 %; 3) прочие аффиксы, включая сложные форманты, делящие между собой оставшиеся 30 %.

«Группа -*day*»: -*ɣ(a)*: *čerig* ‘войско’, *čimeg* ‘украшение’, *örmüge* ‘рогожа’, *tarbay-a* ‘тарбаган’; -*day*<sup>2</sup>: *samalday* ‘ноздри’, *sariday* ‘голец’, *temdeg* ‘метка’; -*naɣ*, *ngɣ-a*: *arangɣ-a* ‘помост’; *kemneg* ‘утроба’; *qorkinaɣ* ‘горошек’; -*laɣ*, -*lɣ-a*: *\*berteleg* ‘волчонок’; *bömbülig* ‘шар’; *jarliɣ* ‘приказ’; -*čay*: *borɣučiɣ* ‘шишка’, *darčiɣ* ‘флажок’, *kirumčay* ‘ливер’; -*maɣ*: *aɣamaɣ* ‘скакун’, *barimaɣ* ‘воловик’, *marjimaɣ* ‘чечевица’; -*saɣ*, -*sy-a*: *sarimsaɣ* ‘чеснок’, *qurisaɣ-a* ‘ягнячья шкурка’; -*raɣ*, -*ry-a*: *naturɣ-a* ‘роса’, *qomurɣ-a* ‘круг, сомкнутый охотниками’;

«Группа -*dai*»: -*ai*: *arbai* ‘ячмень’, *čirai* ‘лицо’, *umai* ‘утроба’; -*qai*: *čarčaqai* ‘саранча’, *erbekei* ‘бабочка’, *jıraɣaqai* ‘мальки’; -*ɣai*: *burčayai* ‘стручок’, *jirmaɣai* ‘рыбья икра’, *qarčayai* ‘ястреб’; -*dai*: *barbadai* ‘большой палец’, *čorbudai* ‘славка рыжая’, *oryudai* ‘женьшень’; -*čai*: *kiruɣičai*

<sup>2</sup> Последовательность аффиксов дается в соответствии со степенью их продуктивности.

‘маленький ястреб’, *qariyačai* ‘ласточка’; **-mai**: *qortui* ‘подол’, *Marqamai* ‘с большим носом’ (антр.); **-rai**: *ambarai* ‘бот. ягнячьи почки’, *qomburai* ‘род игры в бабки, косточки’; **-nai**: *Tarqanai* ‘приземистый’ (антр.); **-bai**<sup>3</sup>: *duranbai* ‘подзорная труба’.

**Прочие аффиксы**: **-γ-a/-y-a/-γu**: *araya* ‘клык’, *beriy-e* ‘посох’, *gürege* ‘шейная артерия’, *ǰaraya* ‘ёж’, *ǰruya* ‘иноходь’; **-sun**: *buryasu* ‘ива’, *örgesiin* ‘шип’, *sormusu(n)* ‘ресницы’; **-r**: *amar* ‘спокойствие’, *amsar* ‘отверстие’, *tamir* ‘сила’; **-l**: *aryal* ‘кизяк’, *dergel* ‘высокогорный тур’, *gürbel* ‘ящерица’; **-lǰ(n)**: *siryulǰ(n)* ‘муравей’, *terelǰ* ‘багульник’, *tümelǰ* ‘спаржа клубеньковая’; **-γana**: *arǰayan-a* ‘кузиния’, *deresügen-e* ‘соломинка’, *ǰergene* ‘хвойник’; **-lǰyan-a**: *bürilǰene* ‘калина’, *gürelǰene-e* ‘сверчок’, *kerelǰene* ‘полевая мышь’; **-γč(n)**: *eregč(n)* ‘самец’, *sarayč(n)* ‘столбик’, *sarbayč(n)* ‘обезьяна’, *bertegč(n)* ‘щенок (медведя, волка)’.

Каждый из оставшихся формантов образуют менее 1 % субстантивных лексем: **-mǰ** (*arǰamǰ* ‘веревка’, *neremǰ* ‘имя’, *orumǰ* ‘хижина’); **-m** (*qurim* ‘пир’, *serǰim* ‘подношение’); **-lang** (*arkilang* ‘муравьиный лев’, *čömileng* ‘яблоко с пятью косточками’, *ersleng* ‘львица’); **-bč(n)** (*darabč(n)*, *derebč(n)* ‘шпора’, *ǰürükebč(n)* ‘бурундук’, *sarabč(n)* ‘сетка для глаз’); **-č(n)** (*sarbač(n)* ‘женский головной убор’, *urtuč(n)* ‘сосуд с узкой шейкой’); **-uu** (*ǰruuu* ‘бороздоплодник’, *ǰimbüü* ‘вострец лесистый’); **-ryan-a** (*marčiryana-a* ‘постенница’); **-tyan-a** (*sarkityana-a* ‘полевка’); **-rsi** (*bambursi* ‘медвежонок’, *bombursi* ‘шерстяная ткань’); **-ruu** (*oturuu* ‘ключица’, *qomquruu* ‘перхоть’); **-nabč(n)** (*sirqunabč(n)* ‘чулки’).

Большинство из них относится к мертвым, ныне непродуктивным аффиксам, представляющим собой особый интерес как наиболее архаические пережитки грамматического строя данных языков. Как правило, они свидетельствуют о том, что слова, образованные с их помощью, относятся к исконно-монгольскому лексическому фонду.

В результате анализа прилагательных с затемненной образной семантикой, имеющих корневые доминанты [r/m], было выявлено, что 30 % из них функционируют «в чистом виде»: *erke* ‘избалованный’, *qurča* ‘острый’, *ori* ‘одинокий’, *tomu* ‘большой’, *qara* ‘черный’, *šoru* ‘соленый’, *üümüki* ‘вонючий’. 22 % имеют показатель **-n**: *mergen* ‘мудрый; меткий’, *örgen* ‘широкий’, *türgen* ‘быстрый’, *tarǰan* ‘жирный, тучный’, *ningen* ‘тонкий’. На долю прилагательных с суффиксом **-γu** приходится 11 %: *irayuu* ‘благозвучный’, *čiryayuu* ‘тугой’, *čerbegüü* ‘далекий, удаленный’, *serigüün* ‘прохладный’, *qarayuu* ‘жадный’. В некоторой степени продуктивны суффиксы: **-γ** (14 %): *soruy* ‘короткий’, *oruy* ‘серый’, *tarčiy* ‘неурожайный’, *qoriy* ‘чувствительный’ и **-ai** (10 %): *narmai* ‘просторный’, *qomqai* ‘жадный’, *šambai* ‘крепкий, плотный’. И, наконец, ряд формантов имеет от 1 до 3 производных: **-l** (*sarayul* ‘светлый’); **-m** (*bardam* ‘чванливый’); **-ngkei** (*yerüngkei* ‘общий’, *qarangγui* ‘темный’); **-deg** (*eremdeg* ‘одноглазый’). Как

<sup>3</sup> Корни с другими доминантами также присоединяют суффикс **-lai**: п.-мо. *degdegülei* ‘прыгунчик’, п.-мо. *qongqulai* ‘впадина’.

видно, среди перечисленных аффиксов встречаются те же представители, что и в среде субстантивных формантов, что, несомненно, свидетельствует об известном синкретизме семантики словообразовательных суффиксов в монгольском языке.

Среди выявленных в работе глаголов большая часть (70 %) непроизводна: *ere-* ‘воспалиться’, *örü-* ‘ставить в ряд’, *ḡru-* ‘рисовать’, *soru-* ‘сосать’, *tama-* ‘вить веревку’ и др. 9 % рассмотренных в работе корневых морфем функционирует в оформлении суффиксов *-ra/-la* (*čimala-* ‘хотеть большего’, *ḡmle-* ‘обвинять; журить’, *imere-* ‘сучить нитки’, *čomčura-* ‘пригибаться’, *ümirü-* ‘стягивать’); 5 % – суффикса *-ḡa/-ya* (*qariya-* ‘ругать’, *irüge-* ‘благословлять’, *tamsiya-* ‘чавкать’).

В составе 16 % глаголов представлены согласные [k/γ/g]: *čimki-* ‘щипать’, *ümkü-* ‘откусывать’, *ḡrke-* ‘брезговать’, *marḡu-* ‘спорить’, *kirḡa-* ‘резать’, *šörge-* ‘тереться’, *berge-* ‘стесняться’, *ḡrya-* ‘благоденствовать; гаснуть’, *ergi-* ‘кружиться’, которые могут либо представлять собой служебные глаголы *ki-* ‘делать’, *ge-* ‘говорить’, либо входить в состав корневой морфемы, моделируя конечную фазу, отголосок звучания. Сопоставление данных примеров с корнями схожей фонетической структуры в русском языке: *мельк-ать*, *щёлк-ать*, *морг-ать*, *порх-ать* позволяет склониться ко второму варианту решения. Возможно, указанные вспомогательные глаголы развились именно из этих ауслатных согласных-«отголосков», постепенно приобретя способность функционировать самостоятельно.

Таким образом, определение структуры монгольского корня, несомненно, продиктовано исследованием словообразовательных формантов, в результате «отсечения» которых извлекается информация о том, каким должен быть корень слова. При этом зачастую возникает трудность разграничения морфов в словах с аффиксами первой и второй групп. Так, согласный [m] в п.-мо. *sarmai* ‘летний сухой помет’ можно расценить и как ауслатный согласный корня, и как консонантную составляющую суффикса. В таких случаях значимым представляется наличие однокоренных слов: такие формы, как *sarmiday* – id., *sarmayčün* ‘обезьяна, мартышка’, *sarmii-* ‘становиться хрупким; разметаться руками, ногами’ позволяют говорить о функционировании корня \**sarm*, соответственно *-ai* – аффикс.

Следует отметить, что символическое значение согласных в аффиксах не затрагивалось в данной работе, целью которой было изучение корневых доминант [r/m]. Однако не вызывает сомнения тот факт, что звуковой состав аффиксальных морфем также содержат звукосимволический потенциал. В качестве наиболее яркого примера можно привести формант *-lḡ*, в котором плавный [l] передает плавный, спокойный характер протекания действия, аффриката [ḡ] – напряженный, в совокупности же они передают идею прерывисто-кратного действия.

Во второй главе «**Вербализация слухового восприятия**» характеризуется система ономастических слов с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. В данной работе материал распределен по четырем

лексико-семантическим группам, выделенным по источникам звуков: 1) звуки живой природы (крики, голоса, звуки млекопитающих, птиц, насекомых); 2) звуки человека (звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа); 3) звуки неживой природы (звуки природных стихий – воды, воздуха, огня, земли, – издаваемые без антропогенного воздействия, в том числе звуки осадков, состояния атмосферы и др.); 4) смешанный тип (в качестве источника звука могут выступать как животные, человек, природа, так и различные работающие механизмы). Следует отметить, что подобное выделение носит достаточно условный характер, поскольку данные группы представляют собой диффузные структуры.

В параграфе 2.1. «**Звукоподражательные возможности согласного [r]**» представлены ономатопы с дрожащим сонантом [r], обладающим чрезвычайно широкими звукоподражательными возможностями в изображении как длительных, так и кратковременных дрожащих шумов, благодаря колебательным движениям языка в момент артикуляции звука.

В ЛСП «**Животный мир**» рассматриваются подражания звукам диких и домашних животных, птиц и насекомых, а также названия некоторых представителей фауны. Ономатопы, передающие рычание, рев животных, восходят к корням \*ar/ir/or/ur/kir/kür/yar/bar/bor. Корни \*qar/qor/kür/bor/bür могут характеризовать звуки, издаваемые домашними животными. Значения ‘грызть; громко жевать (о жвачных животных)’ в монгольских языках реализуются с помощью корней \*mer/ker: п.-мо. *mere-* [Less. 536], мо. *мэр-*, бур. *мэрэ-*, калм. *мер-*, ойр. *мере-* ‘грызть, раскусывать зубами что-л.’; баргуз. *хэрэ-* ‘грызть’. По всей вероятности, звукоподражание ‘грызть’ стало основой для номинации некоторых представителей рода грызунов: п.-мо. *keremü* [Kow. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрмэн*, калм. *кермн*, ойр. *кермен* ‘белка’; п.-мо. *kereljegene* ‘полевая мышь; землеройка’ [Kow. 2508], мо. *хэрэлзгэнэ* ‘полевая мышь; полевка’; бао. *харта* ‘крот’, п.-мо. *qarqa*, мо. *харх* ‘крыса’, бур. *харха* ‘крот; крыса’; п.-мо. *sarkityan-a*, мо. *сархитгана [оготно]* ‘полевка обыкновенная’.

Звуки, издаваемые птицами, передаются посредством корней: \*qar/qur/γur/šür/j̄r/čor/dor, которые дали ряд названий птиц: п.-мо. *qarkira* ‘журавль пепельного цвета’ [Kow. 850], мо. *хархирaa* ‘серая цапля’; ср.-мо. *keri’ē* [MA 220], *kere’e* [SH], пкл.-мо. *kerege:*, *keriy-e* [Tum. 445], п.-мо. *keriy-e* [Kow. 2513], мо. *хэрээ*, бур. *хирээ*, калм. *керэ*, ойр. *керээ*, орд. *kerē*, даг. *xerē*, ж.-уйг. *kārī*, мнгр. *kārē* [EDAL 691] ‘ворона’; п.-мо. *qur* [Kow. 950], мо. *хур [гургуул]*, бур. *хура*, калм. *хур* ‘тетерев’; ср.-мо. *xurqa’ul* [HY 14], п.-мо. *kirγuul*, *γiryuul* [Kow. 2552, 1039], мо. *гургуул*, калм. *hyphuл*, ойр. *hyphuул*, орд. *GurGül*, даг. *xorgöl*, бао. *golGor*, мнгр. *čirGū*, *GurGul* [EDAL 542] ‘фазан’; п.-мо. *γiryaldai*, мо. *гургалдай*, бур. *гургалдай*, ойр. *hyphuулдаа* ‘соловей’; п.-мо. *čorkiruu*, мо. *цорхируу(н)* ‘рябчик’; п.-мо. *šürkei*, мо. *шүрхий*, бур. *шүрхы* ‘чирок (утка)’. В Алтайском словаре Пмонг. \**kerije* сопоставляются с Птюрк. \**KArga*, Птунг. \**korī* ‘мифическая птица (медиатор)’, Пяп. *kara-su* ‘ворона’,



Пкор. \**kār*- ‘ворона, галка’ [EDAL 691]; Пмонг. \**kur* – с Птунг. \**Kürekte* ‘дятел’ и Птюрк. \**Körtük* ‘вальдшнеп; индюк; тетерев’ [EDAL 707].

Корни \**čar/čer/čir/čor/ĵir/tar/dar* служат для подражания стрекоту ряда насекомых (кузнечиков, цикад, саранчи и др.) и дали следующие их названия: п.-мо. *čarča* ‘саранча’ [Kow. 1681, 2115], мо. *царцаа(н)*, кяхт. *сарсаа*, ойр. *царцаа*, орд. *ĵarčā*, даг. *čārčān*, бао. *ĵaGĵaG*, ж.-уйг. *čarčaGī*, мнгр. *čārĵaG* [EDAL 1214] ‘хлебная кобылка, род саранчи’; п.-мо. *čarčaqaī* [Kow. 2113], мо. *царцаахай*, калм. *царцаха*, ойр. *царцаахаа* ‘саранча’; п.-мо. *ĵirkirege*, мо. *жирхрээ* ‘цикада’, ойр. *жиргерээ* ‘саранча’; п.-мо. *tarča* ‘саранча’ [Less. 715], бур. *таршаа*, баргуз. *таршааг* ‘кузнечик, кобылка’, бур. зап. *даржагануур* ‘саранча’. Пмонг. \**čarča* имеет надежные алтайские параллели имитативного происхождения: Птюрк. \**sarīnčga* ‘саранча’, Пкор. \**čānčará* ‘стрекоза’ и Пяп. \**sunsu-musi* ‘вид сверчка’ [EDAL 1213–1214].

В ЛСП «Человек» рассмотрены два типа антропофонов: звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа. К первым, представляющим собой обозначения звуковых физиологических процессов в полостях рта и носа, относятся фырканы (*turgi-*), храп (*qurkira-*), хрип (*kerĵigine-*), кашель (*ker ker ge-*), дыхание с присвистом (*sürkire-*), всасывание ртом жидкости (*soru-*), плач, вой (*orila-*), громкий крик (*čirla-*, *barkira-*), ворчание (*γar γar ki-*), рвота (*ord ki-*).

Звукоподражательная семантика глагола говорения, обозначающего однонаправленное действие, п.-мо. *yari-* [Less. 429], мо. *яри-*, бур. *яри-*, ойр. *йара-* ‘говорить, разговаривать, беседовать’ становится очевидной благодаря сопоставлению с калм. *яр-яр ги-* ‘переговариваться’, бур. *яр-яр дуугар-* ‘говорить неприятным голосом’ и др. Очевидно, первоначально корень \**γar* соотносился с резкими, неприятными звуками, издаваемыми людьми, затем стал обозначать речевую деятельность людей в целом.

Такой дифференциальный признак, как громкость речи, прослеживается в ряде лексем с исходным значением ‘кричать’: пкл.-мо. *ĵar* [Tum. 424], п.-мо. *ĵar* ‘приказ, объявление, обнародование’ [Kow. 2300], мо. *зар*, бур. *зар*, калм. *зар*, ойр. *зар* ‘объявление, извещение’; ср.-мо. *ĵaru-* [SH, NYt], *ĵaru-* [MA 203], пкл.-мо. *ĵaru-* [Tum. 425], п.-мо. *ĵaru-* [Kow. 2303], мо. *зар-*, бур. *зара-*, калм. *зар-*, ойр. *зар-*, орд. *ĵaru-*, мог. *ĵру-*, даг. *ĵара-*, *ĵarə-*, дунс. *ĵaru-*, бао. *ĵare-*, ж.-уйг. *ĵar-*, мнгр. *ĵiri-* [EDAL 1544] ‘использовать для услуг; продавать’; п.-мо. *süre-*, мо. *сур-* ‘торговать, громко выкрикивая (о разносчиках)’; ср.-мо. *uri-* [HY 34], *uri-* [MA 366], пкл.-мо. *uri-* [Tum. 606], п.-мо. *uri-* [Kow. 440]; мо. *ури-*, бур. *ури-*, калм. *ур-*, орд. *uri-*, даг. *ори-*, бао. *уре-*, мнгр. *uri-* [EDAL 1062] ‘приглашать; громко читать, объявлять во всеуслышание’; п.-мо. *qariya-* [Kow. 842], мо. *хараа-*, бур. *хараа-*, калм. *хара-*, ойр. *хараа-*, орд. *харā-*, даг. *харā-*, *karā-*, *harā-*, дунс. *qara-*, бао. *χара-*, мнгр. *харā-* [EDAL 781] ‘бранить’.

Способность согласного [r] передавать громкость речи обусловила тяготение эмоционально-оценочного компонента в глаголах в сторону отрицательной оценки: ‘ругать; ссориться; спорить; конкурировать’. Ряд

рассмотренных глаголов демонстрирует эксплицитную связь с субъектами метафоры – животными как производителями звука (ср.-мо. *kerelde-* [LH], *kereldü-* [MA 216], п.-мо. *kerelde-* [Kow. 2508], мо. *хэрэлд-*, бур. *хэрэлдэ-*, калм. *керлд-* ‘ссориться’; п.-мо. *arsaldu-* ‘спорить’ [Kow. 160], мо. *арцалд-* ‘конфликтовать’; п.-мо. *örisüldü-*, мо. *өрсөлд-* ‘оспаривать’).

Ономатопы, характеризующие коммуникативную сторону речи, служат для образования глаголов обращения к собеседнику, называния, речевого воздействия. Сема говорения заложена в лексемах со значениями ‘завещать’, ‘клеветать, наговаривать’, ‘гадать, ворожить’ и др.: ср.-мо. *gerēs* [MA 216], п.-мо. *geriyes* [Kow. 2513], мо. *гэрээс*, бур. *гэрээд үгэ*, калм. *герэсн*, ойр. *герээсе* ‘завещание’; пкл.-мо. *gere:* [Tum. 405], п.-мо. *ger-e* [Kow. 2505], мо. *гэрээ(н)* ‘договор’; п.-мо. *gür*, мо. *гөр* ‘несправедливое обвинение’, п.-мо. *gürde-* [Kow. 2650], мо. *гөрд-*, бур. *гүрдэ-* ‘оклеветать’; также п.-мо. *kürge-* ‘говорить вздор, болтать бестолково’ [Kow. 2653].

В ср.-мо. *xiru'e-* [SH], *hirē-* [MA 185], пкл.-мо. *irüge:-* [Tum. 419], п.-мо. *irüge-* [Kow. 323], мо. *ерөө-*, бур. *юрөө-*, калм. *йөрә-*, ойр. *йөрээ-*, орд. *orō-*, даг. *hirbe-*, мнгр. *šurō-* [EDAL 1144] ‘желать блага, произносить благопожелание’, несомненно, процессуальное значение ‘говорить, произносить’, заложенное в корне *\*ir*, является первичным по отношению к ‘желать’. Благопожелания, как правило, воспроизводимые перед большим количеством людей, произносятся громко, нараспев и с эмоциональным подъемом.

Согласный [m] в анлауте может характеризовать процесс устной речи, в частности, указывая на нечеткость артикуляции (п.-мо. *tar-mar ki-* ‘мямлить’), а также на эмоции говорящих в речевом акте: п.-мо. *tar-mur ki-* ‘повздорить’; п.-мо. *tarγu-* [Less. 529], мо. *марга-*, калм. *марф-*, ойр. *марфа-* ‘состязаться; спорить’. Корень *\*mer* прослеживается в лексемах: п.-мо. *terge*, мо. *мэргэ* ‘гадание, предсказание, ворожба’; п.-мо. *tergeči* [Less. 536], мо. *мэргэч* ‘гадатель, гадалка, ворожей; мудрец’; ср.-мо. *mergan* [HY 37, SH], пкл.-мо. *mergen* [Tum. 460], п.-мо. *mergen* ‘мудрый, опытный, умный’ [Kow. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мерген*, орд. *mergen*, даг. *mergen*, *meregen*, дунс. *merγen*, мнгр. *mergen*, *turgen* [EDAL 918] ‘мудрый, прозорливый’. Та же сема реализуется в корне *\*yer*: ср.-мо. *yerge kibe siba'ūnlā* ‘гадал на птицах (т.е. гадал по полету птиц)’ [MA 391]. На исходный момент развития значения может пролить свет более «прозрачный» синоним: п.-мо. *irügeči*, мо. *ерөөч* ‘гадатель, предсказатель’. В корнях *\*ir/mer* лексем *irügeči* ‘прорицатель’ и *mergen* ‘мудрый; мудрец’ в первую очередь заложена сема говорения, затем вещания, предсказания<sup>4</sup>.

Известно, что процесс называния окружающих предметов или призыва окружающих людей неизбежно связан с голосом: ‘звать кого-л.’ значит ‘голосом просить откликнуться или приблизиться’, ‘называть что-л.’ значит ‘произносить название’. В связи с тем, что вокативная функция является

<sup>4</sup> Ср. рус. *вещун/вещунья* от *вещать* ‘прорицать, предсказывать’ < ‘говорить торжественно, непрерываемо, внушительно’ < ‘сказывать, говорить’.

одной из основных функций имени в любой культуре, на наш взгляд, допустимо, что ср.-мо. *nere* [SH, HYt], *neren* [IM], *nere* [MA 248], пкл.-мо. *ner-e*, *nere* [Tum. 480], п.-мо. *ner-e* [Kow. 641], мо. *нэр*, бур. *нэрэ*, калм. *нерн*, ойр. *нер*, орд. *nere*, мог. *nera*, *nira*, даг. *ner*, *nere*, дунс. *niere*, бао. *nere*, *nare*, ж.-уйг. *nere*, мнгр. *nere* [EDAL 973] ‘имя, название, наименование’ также представляет собой древний ономотоп, характеризующий коммуникативную сторону речи. Ср. эвенк. *гэрбб-*, эвен. *гэрбэт-* ‘назвать, прозвать; окликать’ [ССТМЯ, 1975, с. 180]; Пяп. *\*нэр-* ‘возвещать, приказывать’, Пкор. *\*(n)ir(h)-* ‘имя; сказать’ [EDAL 973].

Звуковая оболочка категории звукоподражаний, рассматриваемых в ЛСП «Неживая природа», диктуется акустическими свойствами звуков, издаваемых водой, дождем, ветром и огнем. Бурление, журчание, плеск, кипение реализуются посредством корня *\*or*, а также корней с инициальными согласными *[s/š/jč]*, *[q/k/γ]*, *[d/t]*, *[b/p]*, от которых также образован ряд гидрографических терминов, обозначающих характер течения: п.-мо. *kürkir-e* [Kow. 2653], мо. *хүрхрээ* ‘водопад’; п.-мо. *γoriquin*, *γoriqua* [Kow. 1038], мо. *горхи(н)*, бур. *горхо(н)*, калм. *горьк*, ойр. *горха* ‘ручей’<sup>5</sup>; п.-мо. *qaraǰ*, *qaraǰa* [Kow. 836], мо. *харз* ‘полынья’; п.-мо. *qargi*, *qariγ*, мо. *харги*, *хариг*, бур. *харья* ‘перекат’; п.-мо. *dargil* ‘поток’ [Kow. 1682], мо. *даргиа* ‘стремнина’; п.-мо. *borgiy-a* [Less. 121], мо. *боргио*, калм. *боржң* ‘порог (на реке)’ и др.

Для передачи звуков дождя в монгольских языках используются корни *\*jir/sir/nur/bar*. Легкий шелест, шорох дождя слышен в ср.-мо. *qura* [HY 2, SH], *qura* [IM], *qura* [MA 310], *qora* [LH], пкл.-мо. *qur-a* [Tum. 536], п.-мо. *qura* [Kow. 951], мо. *хур*, бур. *хура*, калм. *хур*, ойр. *хур*, орд. *xura*, даг. *хуар*, дунс. *Gura*, бао. *Gura*, *Gora*, ж.-уйг. *xura*, мнгр. *xurā* [EDAL 747] ‘атмосферные осадки, дождь’. Ср. як. *курулаа-* ‘глухо шуметь (о дожде)’; нан. *хур-хур* ‘шум (о падающем дожде)’ [ССТМЯ, 1975, с. 437].

Звуки дуящего ветра передаются с помощью корней *\*kür/sür/ser/šur/ǰer/jir*; для озвучивания огня используются корни *čir/sir/kür/par*. Наконец, среди звуков неживой природы лишь один корень *\*nur* связан с землей: п.-мо. *nura-* [Kow. 695], мо. *нур-*, бур. *нура-*, калм. *нур-*, дунс. *нура-* ‘обваливаться, обрушиваться; оползать’; п.-мо. *nur-a* ‘берег, подмытый водой, обрушившийся берег’ [Kow. 695].

В категории звукоподражаний, формирующих **смешанный тип**, представлены лексемы, воспроизводящие звуки, издаваемые в определенных обстоятельствах объектами или непосредственно возникающие в результате воздействия человека на какие-нибудь предметы. Основным признаком, реализуемым с помощью согласного *[r]*, является дрожание, чистый

<sup>5</sup> Прозрачна корреляция корней *\*jir/čir/jur/čur*, передающих журчание, с корнем рус. *журч-*ать, созвучному *\*jir*, метатеза согласных в котором дает *\*ruj/ruč* > рус. *руч-*ей. Связано с болг. *руквам*, *рукна* ‘вытекаю, бью струей’, мор. *руcat'* ‘струиться’ [Фасмер, 1971, с. 524].

диссонанс. Корни \**kör/kir*, \**čar/čir/sir/šor/sar* в целом передают шарканье, шорох, скрип, треск, шелест, шипение. Корни *čar/čir/jir* передают звук чирканья, росчерка: ср.-мо. *jiru-* [MA 207], пкл.-мо. *jiru-* [Tum. 431], п.-мо. *jiru-* [Kow. 2359], мо. *зур-*, бур. *зура-*, калм. *зур-*, ойр. *зура-*, орд. *žuru-*, даг. *žurī-*, *žori-*, мнгр. *žūri-* [EDAL 1013] ‘рисовать, чертить’.

Звук, издаваемый при рассекании, разрыве, разрезании, заложен в глаголах п.-мо. *ira-* [Kow. 318], мо. *яр-* ‘разрезать, резать ножом; раздвигать’; ср.-мо. *ür-* ‘сдирать’ [MA 104], п.-мо. *uru-*, *ürü-* ‘разламывать’ [Kow. 451], мо. *ур-*, бур. *уру-* ‘разорвать; царапать’; п.-мо. *üre-* [Kow. 586], мо. *үрэ-*, бур. *үрэ-*, калм. *үр-*, ойр. *үре-* ‘тереть; чесать’; ср.-мо. *jur-* [MA 211], п.-мо. *joru-*, мо. *зор-*, бур. *зоро-*, калм. *зор-*, ойр. *зор-* ‘строгать; царапать’; п.-мо. *kerči-* [Kow. 2518], мо. *хэрчи-*, бур. *хэршэ-*, калм. *керч-*, ойр. *керчи-*, даг. *keresi-* [MD 182] ‘резать’; п.-мо. *kira-*, мо. *хяр-* ‘крошить, мелко резать’, бур. *хирма-* ‘чистить скребком; резать’; ср.-мо. *qirya-* [MA 298], п.-мо. *kirya-* [Kow. 2551], мо. *хярга-*, бур. *хирга-*, калм. *кирв-*, ойр. *кирве-*, *кирхе-* ‘стричь (ножницами)’. Наиболее тесная связь со звукоподражательным глаголом наблюдается в п.-мо. *kirümčay*, мо. *хярамцаг* ‘замороженные внутренности, завернутые в рубец, ливер (кушанье)’, бур. *хирмаса* ‘ливер’; п.-мо. *jirm-e*, мо. *зүрэм*; п.-мо. *jürmedeg*, мо. *зүрэмдэг* ‘тонкие обрезки чего-н.’, бур. *зүрмэ* ‘фарш’.

Глаголы со значением ‘колыхаться’, соотносимым с легкими, плоскими предметами (флаги, паруса, элементы одежды и пр.), образуются с помощью корней \**dur/der/qor/sar/nar/ner*: бур. *һарбагар*, *нарбагар*, *нэрбэгэр*, баргуз. *һархигар* ‘обвислый; лохматый’. Признак ‘растрепанный, лохматый’, на наш взгляд, наблюдается п.-мо. *sarkinaу* [Kow. 1338], мо. *сархинаг*, бур. *һархинсаг* ‘книжка (часть желудка жвачных животных)’. Значение ‘книжка’ манифестируется тур. диал. *сарқанақ*, тув. *саргыһак*, хак. *сархынжаһ*. Як. *таңқычах*, эвенк. *саргина* рассматриваются как заимствования из монгольских языков. Относительно этимологии термина авторы ЭСТЯ допускают, что \**sarkin* – рефлексивная форма *sark-* ‘капать’, так как из книжки жидкая пища стекает в сычуг [ЭСТЯ, 2003, с. 220]. Более близкой нам кажется версия Дж. Клосона, который производит *sarknyuk* от *sark-* ‘висеть, свисать’ [Cl. 849].

В целом следует отметить, что ономатопеические слова данной группы имеют стертый характер денотата, что в определенной мере обусловлено слабой степенью дифференциации шумов одного класса, имеющих различные акустические характеристики. В сфере звукоподражания в монгольских языках представлены почти все возможные слоги с дрожащим сонантом [r] в позиции доминанты. При этом инициальные [b/p] формируют большое количество натурофонов; согласные [d/t], [n] характерны в основном для ономатопов смешанного типа, согласные [y], [m] встречаются преимущественно в анлауте антропофонов.

В параграфе 2.2. «Участие доминанты [m] в формировании звуковой сферы» освещаются как собственно звукоподражательные, так и звукосимволические корни с доминантой [m], формирующие звукоферу

монгольских языков. Активное участие губ в артикуляции согласного [m] обусловило появление в монгольских языках ряда антропофонов, в том числе кинем, обозначающих звуковые физиологические процессы, производимые человеческим ртом во время приема пищи: п.-мо. *šam šam* ‘чавканье’ [Kow. 1450]; п.-мо. *šimala-* ‘хотеть большего’ [Kow. 184]; п.-мо. *tamsiya-* [Kow. 1646], мо. *тамшаа-*, бур. *тамшаа-*, калм. *тамшаа-*, ойр. *тамшаа-* ‘чавкать; производить губами и языком громкие, причмокивающие звуки’; ср.-мо. *simi-* [SH], *sime-* [MA 333], п.-мо. *sime-* [Kow. 1505], мо. *шим-*, бур. *шэмэ-*, калм. *шим-*, ойр. *шиме-*, орд. *sime-*, мог. *simi-*, даг. *sime-*, *simi-*, ж.-уйг. *šäte-*, мнгр. *šäte-*, *šäti-*, *šüti-* [EDAL 1328] ‘высасывать сок; смаковать какой-л. напиток’. Аналоги достаточно четко восстанавливаются в языках алтайской общности: Птунг. *\*sime-* ‘просачиваться, сосать’, Птюрк. *\*simü-*, *sümü-* ‘сосать’, Пяп. *sím-* ‘впитываться, просачиваться’ [EDAL 1328].

Ср.-мо. *šimegan* [HY 48], *šimigan* [MA], п.-мо. *šimüge(n)* [Kow. 2170], мо. *чөмөг*, бур. *сэмгэ(н)*, калм. *чимгн*, орд. *šotogo*, даг. *simug*, *simehe*, *simæg*, дунс. *šimeGe*, ж.-уйг. *šeṅgän*, мнгр. *šimuge* [EDAL 430] ‘костный мозг’; п.-мо. *kemi* ‘кровяной мозг в костях; отверстие в кости с кровяным мозгом’ [Kow. 2483], мо. *хим*, *хэм* ‘губчатое вещество костей’, калм. *кем* ‘губчатая кость’, ойр. *кем* ‘костный мозг’ обусловлено движением губ при высасывании костномозговой массы из трубчатой кости.

К глаголам звукоподражательного происхождения можно отнести п.-мо. *gemere-* [Kow. 2483], бур. *гэмэр-* ‘ворчать’; п.-мо. *tam tum ögüle-* ‘говорить вздор’ [Kow. 1643], мо. *там тум яри-* ‘плохо говорить’.

Лексический материал с доминантой [m] свидетельствует о том, что этот согласный также служит для образования поля нулевой фонации как репрезентации молчания и тишины. По всей видимости, это связано с тем, что сомкнутые губы по-своему символизируют отсутствие каких-либо звуков. Данный звук широко представлен в лексемах, номинирующих тишину, безмолвие, молчание, различной огласовки: п.-мо. *em jīm* [Kow. 218], мо. *эм жим* ‘безмолвие, ничем не нарушаемая тишина’; п.-мо. *im šim*, *im jīm* [Kow. 312], мо. *им жим* ‘тихо, бесшумно’; п.-мо. *jīmir*, мо. *жимэр* ‘покой, умиротворение’; п.-мо. *dömüger*, мо. *дөмгэр* ‘спокойный, уравновешенный’; п.-мо. *nam güim* [Kow. 594], мо. *нам гүм*, бур. *нам*, *нэм*, калм. *нам*, ойр. *нам* ‘тихий, спокойный’; пкл.-мо. *notuqan* [Tum. 486], п.-мо. *notuqan* [Kow. 690], мо. *номгон*, бур. *номгон*, калм. *номһн*, калм. *номхон* ‘спокойный, тихий’ и пр.

Однако в значении некоторых слов все же проявляется сема ‘звук, шум’: ср.-мо. *šime’ep* [HY], п.-мо. *imege šimege* ‘шум, гул, крик’, *šim-e* ‘крик; звук; молва’ [Kow. 310, 2167], мо. *имээ* ‘шум, гул, крик; слухи’; мо. *чимээ*, бур. *шэмээ*, калм. *чимэн*, орд. *šimē*, мнгр. *šimē* [EDAL 1426] ‘шум, звук’. Ср. эвенк. *чумри-* ‘звучать, раздаваться (об эхо в воде)’ [ССТМЯ, 1977, с. 414].

Функционирование в языке корней *\*jīm* ‘тишина’ и *\*šim* ‘шум’ подтверждает то, что сфера тишины как репрезентация отсутствия звуков связана как с отсутствием движения (покоем), так и с наличием слабо выраженных звуковых сигналов. Это, в свою очередь, свидетельствует о

диффузном характере сферы тишины в пределах общей звуковой сферы и об отсутствии четких границ между звуком и его отсутствием в слуховом восприятии. Возможно, поэтому в эвенкийском языке ‘тишина’ репрезентируется с помощью корня \**čer*: *чэрелб* ‘тишина, спокойствие, покой’, *чэрелэжэ* ‘тихий, спокойный; тихо, бесшумно (о природе)’ [ССТМЯ, 1977, с. 422]. Ср. рус. *звонящая тишина*.

К форме *čitege* авторы EDAL приводят следующие алтайские параллели: Птунг. \**tim*- ‘затишье (о погоде); притихнув, примолкнув; шевелить губами, ворчать; тишина (ночью в лесу)’; Птюрк. \**Tiŋ(mi)* ‘звук; говорить; ворчать’; Пяп. \**támár*- ‘молчать’; Пкор. \**tamír*- ‘закрывать рот, молчать’ [EDAL 1426–1427].

В данной главе мы также сочли возможным рассмотреть корни с согласным [m], передающие значение ‘трястись, колебаться’, поскольку вибрационная чувствительность, по мнению ряда психологов, является переходной формой от осязательных ощущений к слуховым. Физические свойства объекта ‘трясущийся, колышущийся’ реализуются в корнях \**bamb/nam/namb*: п.-мо. *bambalǰa-*, *namalǰa-*, мо. *бамбалз-*, *намалз-*, бур. *бамбалза-* ‘колыхаться; пружинить’; п.-мо. *namira-*, мо. *намир-*, бур. *намир-*, ойр. *намар-* ‘развеваться, колыхаться, реять’. Сопоставление данных глаголов с рассмотренными выше п.-мо. *durba-*, *darbalǰa-*, *derbe-*, *qorulǰu-* ‘развеваться по ветру’ позволяет выявить разницу в использовании данных глаголов: если в производных от корней с доминантой [r] отчетливо «слышится» звук развевающегося на ветру полотна (ср. рус. *ветер рвал паруса*), то в глаголах с корневым [m] описываемый процесс, очевидно, происходит более плавно и почти бесшумно (рус. *флаги гордо реяли над площадью*).

Значения ‘колеблющийся; топкий’ эксплицитны в п.-мо. *namu* [Kow. 616], мо. *намаг*, бур. *намаг*, калм. *намаг*, ойр. *намаг* ‘болото, трясина, топь’; п.-мо. *ǰamu*, *ǰamu* ‘болотистое растение’ [Kow. 2292], мо. *замаг*, бур. *замаг*, калм. *замг*, ойр. *замаг*, орд. *ǰamaG*; мнгр. *ǰamburaG* [EDAL 1534] ‘тина, водоросли’; ср.-мо. *laba* [IM], п.-мо. *namaya* [Less. 562], мо. *намаа*, бур. *намаа*, калм. *намч*, ойр. *намчи*, орд. *namā*, мог. *pōt*, даг. *lavā* [EDAL 871] ‘листва’; п.-мо. *namuγ-a*, мо. *намарга*, калм. *намрh*, ойр. *намарhа* ‘роса’ и др.

К собственно звукоподражаниям, на наш взгляд, восходит лексема ср.-мо. *suti* [IM], *sutin* [LH, MA 327], пкл.-мо. *sutin* [Tum. 555], п.-мо. *sutin* [Kow. 1403], мо. *сум*, бур. *хомон*, калм. *сумн*, ойр. *суман*, дунс. *суму*, мог. *sote* [MD 211] ‘пуля; патрон; гильза; стрела’. Корневая звукоподражательная морфема \**sut* наглядно отображает последовательность дифференциальных признаков звучания отпущенной стрелы и делает возможным ментальное разложение данного звучания в своеобразный артикуляционный спектр. Известно, что пущенная стрела свистит, т.е. начинается звучание с фонемы [s], далее переходя в гласный [u], раздающийся в момент рассекания воздуха оперением стрелы. И, наконец, согласный [m] моделирует распространение звуковой волны и символизирует стихание, а в дальнейшем полное

исчезновение звука полета стрелы: мо. *сун хий*- ‘свистеть, выть (о стреле, пуле, ветре)’<sup>6</sup>.

Ономатопами являются п.-мо. *сөт*, мо. *цөм*, бур. *сүм*, ойр. *цөм* сопровождает процесс пробивания (насквозь); п.-мо. *сүмбүү*, мо. *сүмбэ*, калм. *сүм* ‘шомпол’, а также пкл.-мо. *tömiüge* [Tum. 589], п.-мо. *tömiüge* ‘алебарда, бердыш’ [Kow. 1924], мо. *төмөө* ‘уст. алебарда’, где [t] передает глухой звук удара. Тюрк. *сүмме~сүме* ‘шомпол; штык’, по предположению М. Ряснана, имеет монгольское происхождение. Л. С. Левитская вслед за Г. Яррингом и К. Юдахиным относит тюрк. *сүмбэ*, *сүмбө* к иранским заимствованиям [ЭСТЯ, 2003, с. 380–381].

Из зоофонов зафиксирован лишь один ономатоп \**sim*, который наблюдается в ср.-мо. *simül* ‘муха’ [MA 333], пкл.-мо. *simuyu:l* [Tum. 562], п.-мо. *simuyul* [Kow. 1503], мо. *шумуул* ‘комар, москит’, бур. *шумуул* ‘насекомое’. В качестве внешних параллелей А. В. Дыбо рассматривает тюрк. \**siṅek* ‘какое-то надоедливое насекомое; муха’, т.-ма. \**süṅke* ‘жук’, допуская звукоподражательное происхождение: *siṅ* ‘звукоподр. о жужжании’ [СИГТЯ, 2001, с. 185–186].

Таким образом, в монгольских языках представлены как «прозрачные» звукоподражания, которые ассоциируются с неким реальным звучанием, так и подражания, утратившие связи с изобразительной лексикой и допускающие лишь этимологическую реконструкцию. К последним относится ряд глаголов говорения с доминантой [r] и именных частей речи, в которых значение ‘тишина’ реализуется посредством доминанты [m]. Следует отметить, что лексемы с доминантой [m], передающей значения ‘тишина; молчание’, ‘колыхаться’, уже представляют собой звуко-символические образования, поэтому их отнесение к звуковой сфере достаточно условно и объясняется их пограничным характером.

Дифференциальными признаками звукоподражаний с доминантой [r] следует признать ‘громкий’, ‘резкий’, ‘грубый’, вызывающие неприятные ощущения. Ономатопам с согласным [m], напротив, присущи признаки ‘тихий’, ‘спокойный’, ‘нежный’, что обусловлено акустико-артикуляционными характеристиками звуков и представляет собой одну из языковых универсалий в сфере ономатопеической лексики.

В главе III «**Интерпретация зрительного восприятия формы объектов**» выявляются ключевые моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к характеристикам зрительного восприятия формы объекта. Известно, что при повторении звука возникает образный отклик, так как звук, благодаря ассоциации по смежности, связывается с ситуацией, когда он раздавался. Повторение звука, как правило, многократное, вне натуральной, характерной для него ситуации, благодаря механизму ассоциации, закрепляет ассоциативную связь между картиной, рисуемой в представлении индивида, и самим звуком.

---

<sup>6</sup> Фонетически и семантически близок англ. глагол *to zoom* ‘взмыть, поднять вверх’.

В §3.1. «Образные лексемы с доминантой [r]» освещаются закономерности формирования фоносемантического поля согласного [r], содержащего информацию о форме объекта. Среди звукоподражаний с доминирующим согласным [r] нами выявлено 5 ономатопов, на основе которых развилось 5 генеральных признаков (ГП), давших начало обширным семантическим корреляциям с незвуковыми номинативными единицами:

- 1) ономатоп \**ar*<sup>7</sup>, передающий рычание диких зверей, со временем начал порождать в сознании референтов образ острых, оскаленных, торчащих зубов и послужил основой для признака ‘торчащий, остроконечный’;
- 2) ономатоп \**kir*, сопровождающий процесс нарезания чего-л. на ровные части (ножом, топором, ножницами, пилой), дал ряд лексем с ведущим признаком ‘ровный, прямой’;
- 3) ономатоп \**bur*, передающий бурление, журчание воды, постепенно стал служить для вербализации признака ‘круглый; курчавый’;
- 4) ономатоп \**sar*, воспроизводящий звук шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, породил признак ‘круглый, зияющий’;
- 5) ономатоп \**ter*, соотносимый со звуком отпущенной туго натянутой тетивы, пружины, стал предпосылкой для развития признака ‘надутый, пузатый’.

Количество корней, формирующих пять генеральных признаков, представлено в следующем соотношении: ГП 1 ‘торчащий’ – 67 %; ГП 2 ‘ровный’ – 5 %; ГП 3 ‘курчавый’ – 8 %; ГП 4 ‘зияющий’ – 9 %; ГП 5 ‘пузатый’ – 11 %. Среди выделенных нами генеральных признаков особо разнообразен по воплощению и продуктивен по семантическому развитию признак ‘торчащий’ (3.1.1), который мы рассмотрели в двух разных проявлениях: ‘остроконечный’ (3.1.1.1) и ‘растопыренный’ (3.1.1.2), внутри них в дальнейшем развились признаки, отображающие длину, размер и др.

ГП ‘**нечто остроконечное**’ наиболее ярко проявляется в прилагательных, характеризующих форму зубов: мо. *арзгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр*, ойр. *арзаһар* ‘оскаленный’; п.-мо. *orsuγur*, *dorsuγur* [Kow. 1894], мо. *орсгор*, *дорсгор* ‘торчащий; кривой’ и пр., а также в термине ср.-мо. *ara'a* [SH], *aratai* [HY 10], *aral* [IM 432], *ari'ā*, *nari'ā* [MA 105, 246], пкл.-мо. *aray-a*, *arayā* [Tum. 302], п.-мо. *arayā* [Less. 47], мо. *араа*, бур. *араан*, калм. *аран*, ойр. *араан*, орд. *arā*, даг. *arā*, бао. *arə*, ж.-уйг. *arā*, мнгр. *arā*, *rā* [EDAL 316] ‘коренной зуб, клык’, находящий параллели в других алтайских языках: Птунг. \*(x)*ar* ‘росток, клык; название цветка (лютик, пострел)’, \*Птюрк. *Arig* ‘клык’ [EDAL 315–316].

В ЛСП «Животный мир» представлен названиями хищных и травоядных животных, птиц, рыб, номинация которых основана на форме их зубов (ср.-мо. *kirsa* [HY 10], п.-мо. *kirsa* [Kow. 2553], мо. *хярс*, калм. *күрс*, орд. *girsā* [EDAL 651] ‘корсак; серая степная лисица’), рогов (п.-мо. *arγali* [Kow. 153], мо. *аргали*, бур. *аргали*, калм. *арһл*, ойр. *арһаль*, *арһа*, орд. *argali* [EDAL

<sup>7</sup> Из большого количества фонетических вариантов нами выбран корень, наиболее характерный для передачи указанного звучания.



1503] ‘самка архара; архар’; п.-мо. *dergel*, мо. *дэргэл* ‘высокогорный тур’; ср.-мо. *gore'e, gore'esun* [SH], *görēsün* [IM], *görēsün* ‘дикая коза’ [MA 172], пкл.-мо. *görüge:sün* [Tum. 408], п.-мо. *görügesü(n)*<sup>8</sup> [Kow. 2644], мо. *гөрөөс*, орд. *gorōs*, мог. *gor[ä]sun*, даг. *gurēs, gurēse*, ж.-уйг. *görösən*, мнгр. *korosə* [EDAL 574] ‘зверье; дикое животное (преимущественно травоядное); антилопа’), клюва (п.-мо. *ǰaraγ*, мо. *зараг* ‘кулик, бекас’; п.-мо. *qaraljī*, мо. *хараалж* ‘бекас; дупель’), крыльев и хвоста (ср.-мо. *xarijača* [HY 14], п.-мо. *qariyačai* [Kow. 843], мо. *хараацай*, бур. *хараасгай*, калм. *харада*, ойр. *хараадаа*, орд. *xarāčā*, дунс. *qaranča*, мнгр. *xara(n)ciGə*; *xarabǰaGē*, *xarančiGē* [EDAL 652] ‘ласточка’, ср. бур. *хэрбээ* ‘стрелы ласточкиного хвоста’), морды (п.-мо. *čordu* [Kow. 2221], мо. *цорд*, *шорд* ‘небольшая щука’; ср.-мо. *čuraqa* [SH], п.-мо. *čuruqai* [Kow. 2220], мо. *цурхай*, бур. *сурхай*, калм. *цурх* ‘щука’). Кроме того, некоторые названия даны по наличию колючек (ср.-мо. *ǰari'ā* [MA 201], п.-мо. *ǰaraγa* [Kow. 2301], мо. *зараа*, бур. *заряа*, калм. *зара*, ойр. *зараа* ‘еж’; п.-мо. *šörge*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, калм. *шөрг* ‘ерш’; п.-мо. *mörgü* [Kow. 2070], мо. *мөрөг*, бур. *мүргэ* ‘карп, сазан’).

В ЛСП «Растительный мир» рассматриваются названия растений и деревьев, обладающих шипами, колючками, иголками (п.-мо. *sarnai*, мо. *сарнай* ‘роза (шиповник)’<sup>9</sup>; ср.-мо. *arči* [MA 104], пкл.-мо. *arǰa* [Tum. 304], п.-мо. *arča* [Kow. 161], мо. *арц*, бур. *арса*, ойр. *арца* ‘можжевельник’, калм. *арц* ‘можжевельник, кипарис’; п.-мо. *qaraγana* [Kow. 831], мо. *харгана*, бур. *харгана*, *харганаан*, ойр. *харhana*; п.-мо. *qartay*, мо. *хармаг* ‘селитрянка Шобера’; п.-мо. *qarγai* [Kow. 844], мо. *харгай*, калм. *харha*, ойр. *харhaa* ‘лиственница сибирская’; бур. *зэргэнэ* ‘хвойник’). Для именования шипов в монгольских языках используются корни \**örg/sör/šör*: ср.-мо. *örgesün* [IM], *örgesün* [MA 278], пкл.-мо. *örgesün* [Tum. 511], п.-мо. *örgüsü*, мо. *өргөс*, калм. *өргөс*, *үргсн*, ойр. *үргесен* ‘заноза; шип, колючка; зубок (у маленьких детей)’; калм. *сөр* ‘большой гвоздь; заноза; кости рыбы’, *шөрэ* ‘шпоры; шипы’.

В ЛСП «Человек» рассмотрению подвергаются соматические термины с доминантой [r], в основном относящиеся к плечевому поясу: ср.-мо. *čarbalī* [LH], п.-мо. *čarbaγu* [Kow. 2113], мо. *царвуун*, бур. *сарбаа*, *сарбуу*, калм. *царв*, орд. *ts'arwū* [Дыбо, 1996, с. 226] ‘запястье, лучевая кость’; п.-мо. *sarbaγu*, мо. *сарвуу* ‘часть руки от кисти до локтя’ восходят к образу ‘нечто торчащее; расширяющееся, разветвляющееся (на пальцы)’ [🖐]. Термин ср.-мо. *quru'un* [HY 46, SH], *qurūn* [LH], *qurγan* [IM], *quru'ū*, *qarūn*, *qurūn* [MA 124, 145, 312], пкл.-мо. *quruγu:n* [Tum. 538], п.-мо. *quruγu(n)* [Kow. 964], мо. *хуруу*, бур. *хурган*, калм. *хурhn*, ойр. *хурhan*, *хуруу*, орд. *xurū*, мог. *qurūn*, *qorun*, даг. *хорō*, дунс. *Gurun*, бао. *xur*, ж.-уйг. *хирūn*, мнгр. *xuri* [EDAL 856] ‘палец’ восходит к образу ‘нечто длинное, тонкое; торчащее’ [♠]. В Алтайском словаре

<sup>8</sup> Привлекает внимание фонетическая близость корня \**gör* англ. *horn*, нем. *horn*, фр. *corne*, итал. *corno*, исп. *cuerno*, рус. *рог*; др.-англ. *raga* ‘косуля’.

<sup>9</sup> Ср. участие согласных [r] и [z] в рус. *роза*, лат. *rosa*, англ. *rose*, нем. *rose*, фр. *rosier*, венг. *rózsa* и др.

приводятся ценные параллели: Птюрк. \**K[a]ʁguk* ‘палка, колышек’, Пкор. \**karak* ‘палец; палка’ [EDAL 856]. Признаки ‘торчащий, оттопыренный’ применимы также к термину ср.-мо. *xeregai* [SH], *erke*, *herekeyin* (род. п.) [LH], п.-мо. *erekei* [Kow. 250], мо. *эрхий*, бур. *эрхы*, калм. *эркэ*, ойр. *эркээ*, орд. *ereḡī*, даг. *xereg*, *xergī*, *herehe*, ж.-уйг. *hermegči* [EDAL 1138] ‘большой палец’ [♣]. Пмонг. \**herekei* сопоставляется с Птунг. \**peru-* ‘большой палец’, Птюрк. \**erḡek* ‘палец, большой палец’ [EDAL 1138].

С учетом того, что во многих языках мира количественные числительные первого десятка непосредственным образом связаны с обозначениями пальцев, их длиной и формой, можно предположить, что происхождение числительного ср.-мо. *xurban* [HY 42], *qurban* [SH], *qorbān* [IM], *γurban* [LH], *γurban*, *qurban* [MA 179, 310], пкл.-мо. *γurban* [Tum. 401], п.-мо. *γurba* [Kow. 1039], мо. *гурав*, *гурван*, бур. *гурбан*, калм. *хурвн*, ойр. *хурван*, орд. *Gurwa*, мог. *γurbōn*, даг. *guarba(n)*, *guarəb*, дунс. *Guron*, *Guran*, бао. *Goraḡ*, *Gob-araḡ*, ж.-уйг. *Gurwan*, мнгр. *Gurān* [EDAL 1032–1033] ‘три’ связано с теми же признаками, что и в соматическом термине п.-мо. *quruγu(n)* ‘палец’ – ‘длинный, тонкий’, которые также проявляются в п.-мо. *γurayar*, мо. *гургар* ‘длинный и тонкий’, бур. *гурагар* ‘стройный’; п.-мо. *γurjayur* ‘высокого роста, долговязый и тощий’ [Kow. 1042]. Вероятно, корень \**γurb* номинирует именно средний палец, идущий третьим по счету, по причине того, что он и является самым длинным из пяти.

Корневая доминанта [r] также представлена в числительном ср.-мо. *dörben* [LH, MA 143], пкл.-мо. *dörben* [Tum. 371], п.-мо. *dörben* [Kow. 1947], мо. *дөрөв*, бур. *дүрбэ(н)*, калм. *дөрвн*, ойр. *дөрвен*, орд. *dorwo*, мог. *dürbōn*, даг. *dirbe(n)*, дунс. *dzieruan*, бао. *deraḡ*, ж.-уйг. *dorwəp*, мнгр. *deran* [Болд, 2004, с. 99] ‘четыре’. Значения образного корня \**dörb* сопоставимы с п.-мо. *yorbuyi-*, мо. *ёрвой-* ‘оттопыриваться, растопыриваться’, бур. *ёрбой-* ‘выдаваться острым углом’. Мотивирующий признак ‘торчащий’, на наш взгляд, не мог характеризовать безымянный палец, идущий четвертым по счету, ввиду его «непримечательности» (даже в русском языке он не имеет специального названия). По всей вероятности, признак ‘торчащий, растопыриванный’ соотносился с количеством конечностей человека: двумя верхними и двумя нижними.

Релевантность признака ‘торчащий’ соматическим терминам, обозначающим конечности человека, позволяет применить его и к некоторым названиям животных. В ср.-мо. *qurīqa(n)* [SH], *qurixan* [HY 11], *qurīyan* [LH], *qurayān* [MA 111], п.-мо. *quray-a*, мо. *хурга(н)*, бур. *хурьган*, калм. *хурһн*, ойр. *хурһан*, орд. *xurGa*, мог. *qəryān*, дунс. *qurān*, *Gurān*, бао. *GorGaḡ*, ж.-уйг. *χurGan*, мнгр. *xorGa*, *xuroG* [EDAL 809], бур. *хүрбэ* ‘ягненок’; п.-мо. *sarbay-a*, мо. *сарваа* ‘двухлетний жеребенок’, калм. *сарва*, ойр. *сарваа* ‘годовалый жеребенок’ можно попытаться выделить признак ‘с тонкими длинными ножками’.

Следует отметить, что чрезмерное проявление признаков ‘длинный, тонкий’ закономерно влечет за собой развитие признака ‘искривленный,

кривой': ср.-мо. *turu(i)* [IM], *mura*, *murū(n)* [MA 241], пкл.-мо. *müriḡü*: [Tum. 475], п.-мо. *turiḡar*, мо. *муригар*, бур. *муригар* 'кривой, косо́й'; п.-мо. *nöriḡüü*, мо. *нөрүү* 'кривой, согнутый'.

Ряд образных корней дал в монгольских языках глаголы, значение которых относится к мануальной (ручной) сфере деятельности. Они, как правило, отсылают к образу растопыренных, вытянутых на всю длину рук человека, в ряде случаев ног животных: п.-мо. *čarba-* [Kow. 2113], мо. *царва-* 'поднимать кверху руки или ноги; отмахиваться; хватать'; бур. *һарбай-* 'протягивать руку (или что-л. в руках)'; п.-мо. *čerbe-*, мо. *цэргэ-* 'отдергивать (руку)'; п.-мо. *čerte-*, мо. *цэртэ-* 'разгребать снег копытами'; п.-мо. *čoruyi-* [Kow. 2220], мо. *цорой-*, бур. *сорой-* 'становиться на дыбы (о лошади); становиться на цыпочки'. Ср.-мо. *qarbu-* [HY 39, SH], *qarbu-* [MA 293], пкл.-мо. *qarbu-* [Tum. 522], п.-мо. *qarbu-* [Kow. 846], мо. *харва-*, бур. *харба-*, калм. *харв-*, ойр. *харва-*, даг. *харба-*, *харта-*, *harebe-*, бао. *хурэ-*, ж.-уйг. *харви-*, мнгр. *харми-* [EDAL 649–650] 'стрелять из лука' также, очевидно, связано с образом вытянутой левой и согнутой в локте правой рук.

Дрожащий переднеязычный сонант [r] также служит для обозначения в монгольских языках понятия 'мужчина': ср.-мо. *ere* [HY 29, SH, LH], *ärä* [IM], *ere* [MA 161], пкл.-мо. *ere*, *er-e* [Tum. 390], п.-мо. *er-e* [Kow. 246], мо. *эр*, бур. *эрэ*, калм. *эр*, ойр. *эре*, орд. *ere*, мог. *erra*, даг. *er*, *ergun*, *ere*, дунс. *ere*, бао. *ere*, ж.-уйг. *ere*, мнгр. *rē* [EDAL 312] 'мужчина, муж; самец'; п.-мо. *eregčün* [Kow. 252], мо. *эрэгчин* 'самец'. Тюркской параллелью, как известно, является \**jer* ~ *er*, которое «первоначально означало 'человек мужского пола', впоследствии приобрело значение 'супруг'» [СИГТЯ, 2001, с. 303]. В качестве т.-ма. параллели Э. В. Севортян приводит эвенк. *ур* 'самец, особь мужского пола; мужчина' [ЭСТЯ, 1974, с. 322].

Выявленный нами и рассматриваемый в данном параграфе признак 'торчащий, прямой' на древнем этапе становления языка, по всей видимости, соотносился с мужским половым органом. Ср. п.-мо. *erteger* [Kow. 258], мо. *эртгэр*, калм. *өртхр*, ойр. *эртегер*, *өртегер* 'оттопыренный, вздернутый'. Баргуз. форма *нүртэбэй*, *һүртэбэй* 'penis', образованная от корня \**pürt/sürt* с помощью форманта *-bei*, сопоставима с тув. *бөртөк* 'половой член мальчика'. Вероятно, значение 'penis' является в тюркских и монгольских языках «первозначением», легшим в основу слова *эр* 'мужчина'. В данном случае мы имеем дело с метонимическим переносом, когда вторичное значение опирается на ассоциативные связи, возникающие при наименовании части и целого.

В ЛСП «Неживая природа» анализируются термины для обозначения верхушки, пика горы: ср.-мо. *xorai* [SH], *hurai* [MA], пкл.-мо. *orai*, *oroi* [Tum. 497, 499], п.-мо. *orui* [Kow. 446], мо. *орой*, калм. *ора*, ойр. *ораа*, орд. *orō*; мог. *orei*, даг. *orē*, бао. *xoro* [EDAL 1173]; ср.-мо. *xorgil* [SH], пкл.-мо. *orgil* [Tum. 499], п.-мо. *orgil* [Kow. 464], мо. *оргил*, бур. *орьёл*, а также орографические термины п.-мо. *sariday*, *sarday* [Less. 675], мо. *сарьдаг*, бур. *һарьдаг* 'голец'; ср.-мо. *aral* [SH], *aral* [MA 104], п.-мо. *aral* [Less. 44], мо. *арал*, бур. *арал*,

ойр. *арал*, калм. *арл*, орд. *арал*, даг. *алла, арал*, дунс. *аран*, бао. *алэр, арэн*, ж.-уйг. *арал*, мнгр. *rāl, ral, arā(r)* [EDAL 314] ‘остров’.

В ЛСП «Материальная культура» представлены названия предметов, вещей, имеющих остроконечную, вытянутую форму. Прежде всего, корни с дрожащим сонантом [r] служат как для родового понятия ‘оружие’<sup>10</sup>, так и для обозначения видов холодного и метательного оружия: ср.-мо. *žer* [SH, HYt], п.-мо. *jer* [Kow. 2324], мо. *зэр*, бур. *зэр*, калм. *зер*, ойр. *зер*, орд. *žir* [EDAL 1534] ‘оружие, вооружение’; п.-мо. *šori*, мо. *шор* ‘шпага’, калм. *шор*, ойр. *шор* ‘штык’; п.-мо. *jiŋuq-a*, мо. *зорх* ‘метательный снаряд с острым наконечником’. Ср. также п.-мо. *siruy* [Kow. 1527], мо. *шурэг*, калм. *шурэ* ‘рожон’; п.-мо. *saraučin* [Kow. 1335], мо. *сарагчин* ‘столбик посреди обона’; п.-мо. *čerge* [Kow. 2128], мо. *сэргэ*, бур. *сэргэ* ‘коновязь’; пкл.-мо. *serege:*, *serige:* [Tum. 550], п.-мо. *serege, serige, seriy-e* [Kow. 1369], мо. *сэрээ*, бур. *хэрээ*, калм. *серэ*, ойр. *серээ*, орд. *serē*, даг. *serē* [EDAL 1225] ‘вилка; острога, гарпун, копье с зубцами’; п.-мо. *surγay, šurγay* [Kow. 1542], *surγayay* [Less. 739], мо. *сургаг, шургаг, шургааг*, бур. *хургааг, хургы* ‘жердь’; пкл.-мо. *sorbi* [Tum. 551], п.-мо. *sorbi*, мо. *сорви*, бур. *хорьбо* ‘трость, посох у шамана’ и др.

3.1.1.2. Признак ‘нечто растопыренное, лохматое’ реализуется в ср.-мо. *arasun* [HY 15, SH, LH], *arasu* [IM], *arasun* [MA 104], пкл.-мо. *arasun* [Tum. 303], п.-мо. *arisi, arasu* ‘кожа, шкура’ [Kow. 143], мо. *арьс*, бур. *архан*, калм. *арсн*, ойр. *арсан*, орд. *arusu*, мог. *arōsun, ōrōsun*, даг. *арса, арас*, дунс. *арасун*, бао. *арсоң*, ж.-уйг. *арсэн*, мнгр. *арасэ* [EDAL 520] ‘кожа; шкура; мех’; п.-мо. *örbelge, örbülge* [Kow. 587], мо. *өрвөлгө*, бур. *үрбэлгэ*, калм. *өрвлh*, ойр. *өрвелге*, орд. *örvölgö* [EDAL 1173] ‘вихор; перья на головном уборе’; п.-мо. *tar* ‘ость на меху’, *taraqai* ‘пуховое перышко’ [Kow. 1663], мо. *тар* ‘ость меха; редкошерстный’; п.-мо. *sor* [Kow. 1411], мо. *сор* ‘ость (меха); длинные отдельно торчащие из общей массы стебли травы’, бур. *хорьмой* ‘ость (у меха)’; ср.-мо. *sormie* [HY 45], *sormosu* [IM], *sorbisun* [MA 325], *sarmasūn* [Lig.VMI], п.-мо. *sormiusun, sormisu(n)* [Kow. 1418], мо. *сормос, сормуус*, бур. *хорьмоһо(н)*, калм. *сурмесг*, ойр. *сормасан*, орд. *sormūs, sormūsū*, дунс. *somosun* [EDAL 1218] ‘ресницы; ость’.

В данном параграфе представлены названия растений, восходящие к образу ‘нечто растопыренное, развесистое, лохматое’: ср.-мо. *arbai* [HY 8], *arbai, ārbāi* [MA 104, 253], п.-мо. *arbai* [Kow. 155], мо. *арвай*, калм. *арва*, ойр. *арваа*, орд. *arwā*, мог. *arfēi, arfā*, дунс. *ара*, мнгр. *šbā* [EDAL 312] ‘овес; ячмень’; п.-мо. *čarbang*, мо. *царван*, хорин. *сарбан* ‘полынь’; п.-мо. *sarbayalji*, мо. *сарваалж* ‘ширица трехцветная’, п.-мо. *sarbalji* [Kow. 1336], мо. *сарвалж* ‘дикое просо’.

В §3.1.2-3.1.5. рассмотрены ГП ‘нечто ровное’ (п.-мо. *kerbigir*, мо. *хирвэгэр*, бур. *хирбэгэр* ‘ровный (например, об усах)’; п.-мо. *kerdeg*, мо. *хэрдэг* ‘карниз’, калм. *керсэг* ‘ступенька’), ГП ‘нечто округлое; курчавое’ (п.-мо. *burjyar* [Less. 140], мо. *буржгар*, бур. *буржагар*, калм. *буржһр*

<sup>10</sup> Ср. фонетическую близость между рус. *оружие, ружьё* и *рожон*.

‘курчавый, волнистый, завитой’; ср.-мо. *buryasu* [МА 113], п.-мо. *buryasu* [Kow. 1221], мо. *бургас, бургаас*, калм. *бурһсн* ‘ива, верба’, бур. *бургааһан*, орд. *burGasu*, даг. *bargās, baregase*, мнгр. *burGāsə* [EDAL 1096] ‘прут; ива’; п.-мо. *qoruyа* [Kow. 963], мо. *хороо*, бур. *хорёо*, калм. *хора*, ойр. *хораа*, орд. *хороо* ‘ограда, изгородь и др.’; ср.-мо. *guriјen* [HY 4], *gure'en* [SH], п.-мо. *küriye(n)* [Kow. 2638], мо. *хүрээ*, бур. *хүрээ*, орд. *kurē*, даг. *хорē*, дунс. *Goron*, ж.-уйг. *kurēleg*, мнгр. *kuraᅇ* [EDAL 746] – id.; п.-мо. *kerem* ‘стена; вал, насыпь’ [Kow. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрэм*, калм. *керм*, ойр. *керем* ‘крепость; крепостная стена; кремль’); ГП ‘нечто круглое, зияющее’ (п.-мо. *sarsayар, sartayар* [Kow. 1337], *sarqayар*, мо. *сарсгар, сартгар, сархгар* ‘с широкими ноздрями; зияющий’; п.-мо. *serjigir*, мо. *сэржгэр* ‘легкий, неплотный; рыхлый, пористый, редкий’; п.-мо. *sarkiyay*, мо. *сархиаг* ‘рыжик’; п.-мо. *kerkinег*, мо. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг, хэрхинсэг* ‘сетка (один из отделов желудка жвачных животных)’); ГП ‘нечто надутое, пузатое’ (бур. *тэртэгэр*, калм. *тертхр* ‘туго натянутый; упругий’; ср.-мо. *taryun* [МА 341, LH], п.-мо. *taryan* [Less. 780], мо. *тарган*, бур. *тарган*, калм. *тарһн*, ойр. *тарһан*, дунс. *табун*, бао. *тарбоң* ‘жирный, упитанный’; п.-мо. *torq-a*, мо. *торх*, бур. *торхо* ‘кадка, бочка’; пкл.-мо. *tarbayan* [Tum. 573], п.-мо. *tarbay-a* [Less. 780], мо. *тарвага*, бур. *тарбага(н)*, ойр. *тарваһан*, орд. *tarwaGa*, даг. *tarbæg, tarbag, tarbug*; ж.-уйг. *tarvuan*, мнгр. *törGa, tarbuGa* [EDAL 1405] ‘тарбаган’, калм. *тарвлһн* ‘сурок’).

В связи с тем, что данные признаки восходят к разным ономотопам, соответственно различается и набор анлаутных согласных. Так, ГП ‘ровный’ в основном передается средствами корней с инициальным [k]. Лексемы с ГП ‘круглый, курчавый’ начинаются с согласных [b/p], [k/g], реже [n]. ГП ‘круглый, зияющий’ представлен корнями с согласными [s], [k], [m], [p] в начальной позиции. Наконец, ГП ‘пузатый’ располагает наибольшим количеством корней, начинающихся с согласных [d/t], [b/p], [jč/š/s]. Что касается ауслauta, то здесь позиции согласных не отличаются от таковых в сфере ГП ‘остроконечный’.

В целом, фоносемантическое поле согласного [r], содержащее информацию о форме объекта, можно представить в виде следующей схемы.



§3.2. «Образные лексемы с доминантой [m]» состоит из двух подпараграфов. В 3.2.1. ГП ‘нечто круглое’ внимание уделяется образным лексемам с корневой доминантой [m], которые обязаны своим происхождением неозначенному признаку – мимическому изображению открытого рта и объединены единым дифференциальным признаком: ‘нечто округлой формы’. Неслучайно большое количество образных корней с согласным [m] в монгольских языках характеризует именно форму губ и рта: п.-мо. *ötüger*, мо. *өмгөр*, бур. *үмэгэр*, калм. *өмгр* ‘суженный, сжатый’; п.-мо. *jiteger*, мо. *жимгэр*, бур. *жимэгэр*, калм. *жимһр*, ойр. *жимгер* ‘поджатый’; п.-мо. *emčeger* [Kow. 218], мо. *эмцгэр* ‘имеющий заячью губу’ и др.

Базовый соматический термин ср.-мо. *aman* [HY 45, SH], *aman* [IM 432], *aman* [MA 99], пкл.-мо. *aman* [Tum. 296], п.-мо. *ama(n)* ‘рот, уста; нос птичий; рыло’ [Kow. 95], мо. *ам(ан)*, бур. *ама(н)*, калм. *амн*, ойр. *аман*, орд. *ата*, мог. *aman*, *атип*, даг. *ата*, дунс. *атаһ*, бао. *атаһ*, ж.-уйг. *aman*, мнгр. *ата* [EDAL 296] ‘рот, уста; пасть, зев’ воплощает зрительнообразное представление закрывающегося рта: [a] передает образ открытого рта в момент произнесения данного гласного, [m] – образ смыкания губ при артикуляции данного согласного.

В первую очередь со значением ‘рот’ соотносим другой анатомический термин ср.-мо. *umai* [LH], пкл.-мо. *umai* [Tum. 601–602], п.-мо. *umai* [Kow. 410], мо. *умай*, бур. *умай*, калм. *ома*, орд. *umā* [EDAL 1498] ‘утроба, чрево; матка’. К надежным алтайским параллелям относятся Птунг. *\*ити* ‘дыра’, Птюрк. *\*(i)am* ‘vulva’, Пкор. *\*itük* ‘образовывать впадину, быть вогнутым’ [EDAL 599]. Пмонг. форму *\*(h)umaj* авторы EDAL вслед за А. М. Щербаком считают заимствованной из тюркских языков: от Птюрк. *\*umaj* ‘плацента, послед; богиня рождения’ [EDAL 1498].

Первозначением лексемы, очевидно, выступает ‘vulva’, в дальнейшем трансформировавшееся по смежности в ‘утроба; матка’. Образная семантика подтверждается функционированием адъективной формы: п.-мо. *утауар*, мо. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький (об отверстии)’, а также синонимичного термина мо. *умсаг* ‘влагалище’. Если *ам* ‘рот’ отсылает к образу рта, произносящего гласный [a], то *умай* с узким огубленным гласным переднего ряда [u] номинирует более узкое отверстие, что свидетельствует об изобразительной валентности гласных.

Гипервариативность гласных в сфере изобразительной лексики позволяет сопоставить ср.-мо. *ете* [НУ 29], *ете* [ИМ], *ете* [МА 153], пкл.-мо. *ет-е* [Тум. 386], п.-мо. *ет-е* [Ков. 213], мо. *эм*, бур. *эмэ*, калм. *эм*, ойр. *эме*, орд. *ете*, мог. *етта*, даг. *ете*, дунс. *ете*, бао. *ете*, ж.-уйг. *ете*, мнгр. *ити* [EDAL 504] ‘жена, женщина; самка’ с производными корня \**ит*. В языках алтайской общности также восстанавливаются Птюрк. *ете* ‘самка; старуха’, Птунг. *етV* ‘теща, свекровь; самка; самка оленя, лося’, Пяп. *тiа*, Пкор. *ámh* ‘женщина; самка’ [EDAL 504]. Образ ‘нечто круглое’ мог эволюционировать в архаичной лексеме *ете* по следующей цепочке ‘нечто круглое’ > ‘vulva’ > ‘женщина’. Ср. бур. зап. *хэмнэг* ‘утроба; матка’.

Признаки ‘круглый, шарообразный, комкообразный, куполообразный’ актуализируются в корнях \**bomb/bömb/pömb/qomb/qumb/dumb*: п.-мо. *bömbüge* [Ков. 1239], мо. *бөмбөг*, бур. *бүмбэгэ*, ойр. *бөмбеге* ‘мяч; шар’, калм. *бөмбг* ‘ядро’ и др. Корни с сонантом [m] активно участвуют в образовании названий растений, имеющих клубни: п.-мо. *tömsü(n)*, *tömsü* ‘полевые плоды’ [Ков. 1924], мо. *төмс*, ойр. *төмсен* ‘картофель; луковица лилии сараны; анат. яйцо’, бур. *түмһэ(н)* ‘луковица растений; клубень’; п.-мо. *ömbü*, *ümbe*, мо. *өмбө*, *үмбэ* ‘имбу; айва’; п.-мо. *tümelji*, мо. *түмэлж* [чавга] ‘спаржа клубеньковая’.

Признаки ‘мелкое, круглое’ также реализуются в следующих лексемах: ср.-мо. *jimis* [ИМ], *jimis* [МА 206], пкл.-мо. *jimis* [Тум. 430], п.-мо. *jimis* [Ков. 2350], мо. *жимс*, бур. *жэмэс*, калм. *темсн*, ойр. *темсен* ‘плоды, фрукты, ягоды’; п.-мо. *jimisgen-e*, мо. *жимсгэнэ* ‘ягода, ягоды’; ср.-мо. *čimek* [МА 133], пкл.-мо. *čimeg* [Тум. 353], п.-мо. *čimeg* [Ков. 2168], мо. *чимэг*, бур. *шэмэг*, калм. *чимг* ‘украшение < бусины’; п.-мо. *čöt-e*, *čötü*, *čötüige* [Ков. 2226], мо. *цөм* ‘косточка; ядро, зерно’, калм. *цөм* ‘кизил’, *цөмсн* ‘черемуха’ (о плодах) и др.

К образу ‘нечто круглое’, несомненно, следует отнести ср.-мо. *tatya* [ИМ], *tatya* [МА 339], пкл.-мо. *tatya-a* [Тум. 571], п.-мо. *tatya* [Ков. 1643], мо. *тамга*, бур. *тамга*, калм. *тамһ*, ойр. *тамһ* ‘печать; клеймо, тавро’; пкл.-мо. *temdeg* [Тум. 579], п.-мо. *temdeg* [Ков. 1730], мо. *тэмдэг*, бур. *тэмдэг*, калм. *темдг*, ойр. *темдег* ‘признак; метка’; п.-мо. *ит*, мо. *им*, бур. *эмь* ‘знак, клеймо’. Известно, что тамги имели форму простейших геометрических фигур как наиболее удобные для вырезания или выжигания. Относительно этимологии тюрк. *tatya* известна версия Л. С. Левитской, предполагающей

возможную относительно позднюю семантическую связь *tamya* с *tau* ‘клеймо’ ← перс. *tam-* ‘загораться’ [СИГТЯ, 2001, с. 330].

В т.-ма. языках привлекают внимание формы: эвенк. *сәмэлкб*, эвен. *hāmун* ‘метка; знак; клеймо (на ухе животного)’, орок. *самалки* ‘с приметой, отметиной’ [ССТМЯ, 1977, с. 61]. Данный семантический ряд могут продолжить названия отметин на теле человека: родинок, пятен, болячек. Название болезни п.-мо. *qatayū* [Kow. 803], мо. *хамуу*, бур. *хамуу*, калм. *хаму*, ойр. *хамуу* ‘лишай, парша, чесотка’, п.-мо. *namasu* ‘лишай на лице’, *namursun* ‘лишай’ [Kow. 616], мо. *намс яр* ‘прыщи на лице’, по всей видимости, связаны с тем, что бляшки лишая, как правило, имеют округлую или овальную форму. Корень *\*qat* прослеживается в тюрк. *қамчав*, *қамчағу* ‘сыпь, вызывающая зуд (на глазах, губах); мокрая болезненная болячка, язва; лишай; чесотка’.

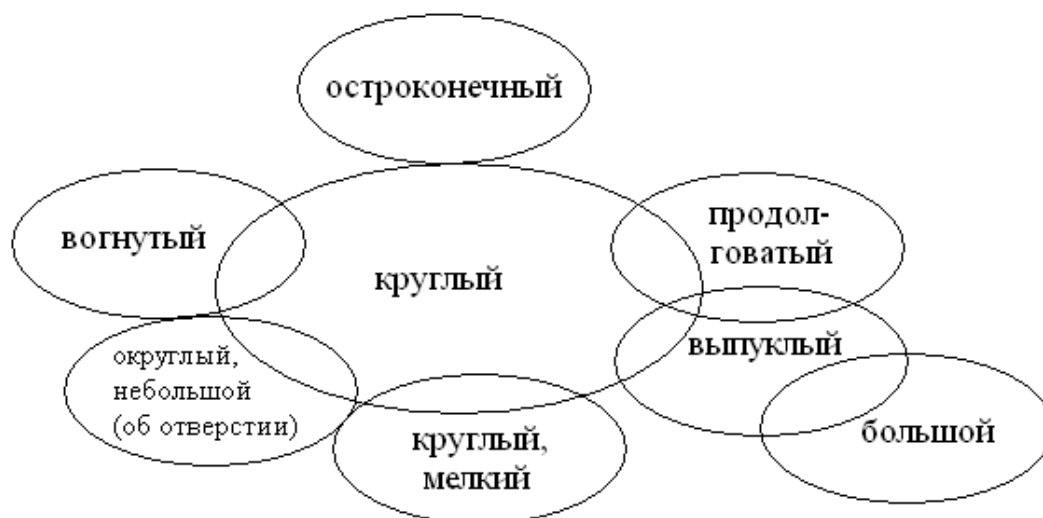
Модификациями данного признака можно считать признаки: ‘**нечто продолговатое**’ (мо. *домбо(н)*, бур. *домбо*, калм. *домб*, ойр. *домбо* ‘кувшин, высокий чайник’), ‘**нечто выпуклое**’ (ср.-мо. *otori’ut* [SH], п.-мо. *отигиш* [Kow. 413], *отигиш(н)*, *отигиш* [Less. 611], мо. *омруу*, бур. *оморюу(н)*, *умарюу(н)*, калм. *омрун*, ойр. *омруун*, орд. *итирү*, *отирү* ‘ключица; грудина (лошади)’ [EDAL 1052]), ‘**нечто изогнутое**’ (ср.-мо. *eme’el* [SH], *amal* [IM], *emēl*, *em[ē]l* [MA 139, 154], *imēl* [LH], *jemējil* [Lig.VMI], пкл.-мо. *emege:l* [Tum. 386], п.-мо. *emegel* [Kow. 243], мо. *эмээл*, бур. *эмээл*, калм. *эмэл*, ойр. *эмээл*, орд. *emēl*, мог. *emōl*, *jamāl*, *jamal*, даг. *emēl*, *emele*, бао. *emel*, ж.-уйг. *emel*, *emēl*, мнгр. *imer*, *imel* [EDAL 506] ‘седло’).

Образ выступающей над поверхностью земли горы обусловил развитие значения ‘большой, крупный, рослый’ в корне п.-мо. *tomu* [Less. 823], мо. *том*, бур. *томо*, калм. *том*, ойр. *томо*; ср. калм. *дүмбр* ‘величавый, величественный’. Значения прилагательного п.-мо. *tömbüger*, мо. *төмбөгөр* ‘выпуклый, пузатый, видный (о вершине горы)’ показывают, каким образом могла произойти контаминация значений ‘выпуклый // большой’.

В 3.2.2. ГП ‘**нечто остроконечное**’ освещаются случаи энантиосемии – экспликации признака ‘остроконечный’ (п.-мо. *šömtüger*, *šömbüger*, мо. *шөмгөр*, *шөмбгөр*, бур. *шүмэгэр*, *шүмбэгэр* ‘конусообразный’): калм. *цомцһр* ‘высота, возвышенность’; п.-мо. *šotšuy*, мо. *цомцог* ‘купол’; п.-мо. *šimčasu*, мо. *цумцас* ‘выступ’, калм. *цумг* ‘холмик’; п.-мо. *šümčisü*, мо. *цумчис* ‘горка с остроконечной вершиной’. Развитие противоположного значения стало возможным благодаря образу острой морды животного: в бурятском языке *шүмэ-шүмэ* говорится о движении кого-л. остромордого или чего-л. остроконечного. Корни *šüm/iüm* представляют собой кинему, обозначающую принюхивание к чему-л.

Таким образом, семантический континуум, создаваемый с помощью корневой согласной [m], также поддается достаточно четкому структурированию. Структура фоносемантического пространства корней с согласным [m], отражающих зрительное восприятие формы объекта, выглядит следующим образом.





Итак, выделенные в данной главе генеральные признаки демонстрируют, как различные аспекты осмысления явлений и процессов могут привести к возникновению противоположных образов с помощью одного и того же согласного в позиции доминанты («круглый ↔ торчащий»).

Результаты исследования лексем, содержащих информацию о форме предметов, свидетельствуют о том, что развитие зрительного образа шло по линии выделения специфического сенсорного содержания, а именно наиболее характерного звука, ассоциируемого с предъявляемой формой. Информация о размере (п.-мо. *tomu* ‘большой’), длине (*urtu* ‘длинный’) объекта получается в результате дальнейшей трансформации образа, отражающего его форму.

В главе IV «Манифестация ощущений с помощью акустико-артикуляционных характеристик согласных [r/m]» рассмотрены аспекты вербализации зрительного восприятия световых явлений, а также информации, получаемой с помощью осязательного, вкусового и обонятельного модусов перцепции, происходящей на основе акустико-артикуляционных параметров согласных [r/m]. В данном случае семантика корневой морфемы интерпретируется непосредственно в зависимости от способа и места артикуляции ее доминанты.

В §4.1. «Актуализация зрительного восприятия световых явлений» внимание уделяется языковому отражению воздействия яркого<sup>11</sup> и тусклого света на глаза. В п.-мо. *irya-* ‘болят глаза, ломит глаза’ [Kow. 324], мо. *ярга-*, бур. *ирга-* ‘резать, колоть (о боли в глазах)’; п.-мо. *irayalja-* [Kow. 319], мо. *яралз-*, калм. *ярлз-*, ойр. *йаралза-* ‘рябить<sup>12</sup>; сверкать’; п.-мо. *čargi-*, мо. *царги-* ‘слепнуть (от блеска снега)’, бур. *һарга-* ‘слепить глаза (о солнечных

<sup>11</sup> Ср. корень \**jark* в рус. *яркий*, кластеры *br, str* в англ. *bright/striking* ‘яркий’, нем. *grell* ‘яркий’; рус. *заря, зарево, озарить, брезжить* и др.

<sup>12</sup> Привлекает внимание фонетическая близость корней в бур. *ерб-эдэ-*, калм. *ирв-лз-* ‘ослеплять, бить в глаза (о солнце)’ и рус. *ряб-ить*.

лучах) можно наблюдать верхний абсолютный порог ощущений, т.е. максимальную величину раздражителя, которую способен воспринимать зрительный анализатор. Интенсивность стимула вызывает изменение модальности ощущения: очень яркий свет, воспринимаемый нервными окончаниями сетчатки глаз, вызывает болевые ощущения, сопровождаемые внутренним раздражением, сопоставимым с акустико-артикуляционными характеристиками звука [r].

В результате работы данного модуля перцепции, на наш взгляд, появились лексемы: ср.-мо. *sara* [НУ 1, SH, LH], *saran* [IM], *sara* [МА 318], пкл.-мо. *sara(n)* [Тум. 544], п.-мо. *sara*, *sar-a* [Kow. 1328], мо. *cap*, бур. *hapa*, калм. *cap*, ойр. *capa*, орд. *sara(n)*, даг. *sarūl*, *sar*, *sare*, *sareule*, дунс. *sara*, бао. *sare*, *sera*, ж.-уйг. *sara*, мнгр. *sara* [EDAL 1512] ‘луна’; ср.-мо. *naran* [НУ1, SH, LH, IM, МА 245], прекл.-мо. *naran* [Тум. 477], п.-мо. *naran* [Kow. 620], мо. *нар*, бур. *наран*, калм. *нар*, ойр. *нар*, орд. *nara(n)*, мог. *naran*, даг. *nar*, дунс. *naran*, бао. *naraj*, ж.-уйг. *naran*, мнгр. *nara* [EDAL 1028] ‘солнце’; ср.-мо. *ür*, *ör* [МА 382], п.-мо. *ür*, *ür çür* [Kow. 577], мо. *үүр*, бур. *үүр*, калм. *өр*, ойр. *өр*, орд. *oro*, *or*, даг. *ur*, бао. *or*, ж.-уйг. *ojir*, мнгр. *ōr* [EDAL 1040] ‘рассвет’.

Функция корней \**ĵir/ĵer* также состоит в подражании блистанию, сверканию, мерцанию: п.-мо. *ĵirabki-*, *ĵirubki-* ‘блистать, сиять’; п.-мо. *ĵergelge*, мо. *зэрэлгээ(н)*, бур. *зэрэлгээ* ‘мираж; марево’; п.-мо. *ĵirγa-*, мо. *жарг-*, бур. *жарга-*, калм. *жирh-* ‘скрываться за горизонтом (о солнце)’. Ср. эвенк. *тирга* ‘днем; сегодня; зарница; утренняя заря’, *тиргал-* ‘светать’ [ССТМЯ, 1977, с. 187]. Корню \**ger* в целом свойственно передавать несколько приглушенное проявление световых явлений: пкл.-мо. *gerel* [Тум. 405], п.-мо. *gerel* [Kow. 2506], мо. *гэрэл*, бур. *гэрэл*, калм. *герл*, ойр. *герел*, орд. *gere*, *gerel*, даг. *gerel*, дунс. *gieren*, ж.-уйг. *gerel*, мнгр. *gārēl*, *gārē* ‘луч, свет’; ср.-мо. *gere* ‘свет’ [IM], п.-мо. *ger-e* ‘просвет; утренняя заря’ [Kow. 2504], мо. *гэрээ*, бур. *гэрэ* ‘лучина (как источник света); свет (перед рассветом)’.

Понятие ‘сумрак; сумерки’ в монгольских языках реализуются посредством лексем, производных от \**bar/bür/qar/kir*: п.-мо. *bürüi barui*, *kürüi barui* ‘сумерки’ [Kow. 1134, 1254], мо. *харуй бүрий*, *бүрий баруй*; п.-мо. *kiraγ-a*, мо. *хирaa*, бур. *хирaa* ‘предрассветные сумерки’; п.-мо. *kirqai*, мо. *хярхай* ‘мельком виденное’. Приглушенные световые явления в сумерках связаны с тем, что в это время суток на границе между светом и темнотой с каждым мигмом сужается мерцание света. На основе значения ‘мерцать (в темноте)’, на наш взгляд, могли развиться обозначения темных оттенков цвета: *baruγar* [Less. 89], мо. *баргар*, ойр. *барhр* ‘черный; мрачный’; ср.-мо. *boro* [НУ 42, SH], *borā* [МА 121], п.-мо. *boru* [Kow. 1213], мо. *бор*, бур. *боро*, калм. *бор*, ойр. *боро*, орд. *boro*, мог. *borō*, дунс. *boro(η)*, мнгр. *burondog*, *boro* [EDAL 376] ‘серый; сивый’; п.-мо. *börtü* [Kow. 1261], мо. *бөрт* ‘пестрый; сивый’; п.-мо. *küren(g)* [Kow. 2636], мо. *хүрэн*, бур. *хүри(н)*, калм. *күрң*, ойр. *күрең*, орд. *kürin*, *küreñ*, даг. *kurel*, *xürin*; ж.-уйг. *küreñ*, мнгр. *kurē* [EDAL 828] ‘коричневый; темно-рыжий’; ср.-мо. *qara* [НУ 41, SH], *qara* [IM], *qara* [МА 292], пкл.-мо. *qar-a* [Тум. 521], п.-мо. *qara* [Kow. 823], мо. *хар*, бур. *хара*,

калм. *xap*, ойр. *xapa*, мог. *qarō*, даг. *xara*, дунс. *qara*, бао. *xera*, ж.-уйг. *xara*, мнгр. *xara* [EDAL 651] ‘черный’.

Корни с сонантом [r] служат для передачи мелькания, мельтешения и пестроты однотипных предметов, которые можно поделить на две категории. К первой из них относятся предметы, имеющие прямую, узкую, вытянутую форму по аналогии с лучами солнца: п.-мо. *ǰiriger*, мо. *ǰиргэр*, бур. *ǰэрэгэр*, калм. *ǰирһр* ‘расположенный ровными рядами’, *ǰирс ǰирс хий*- ‘мелькать, рябить’ (о чем-либо ровном, узком). Результатом дальнейшей абстракции образа стало ср.-мо. *ǰerge* [SH, Нут], ср.-мо. *ǰerge* [MA 205], пкл.-мо. *ǰerge* [Tum. 427], п.-мо. *ǰerge* [Kow. 2326], мо. *зэрэг*, бур. *зэргэ*, калм. *зэрг*, ойр. *зэрге*, орд. *ǰirge*, даг. *ǰirigi*, *ǰerehe*, *ǰerge*, *ǰereg*, ж.-уйг. *ǰerye*, мнгр. *ǰerge* [EDAL 1535] ‘ряд, уровень; звание’; п.-мо. *sirkeg*, п.-мо. *uuxxэг* ‘штука, экземпляр’; ср.-мо. *čerik* [IM], *čirik* [LH], *čerig*, *čerik* [MA 132], пкл.-мо. *čerig* [Tum. 319], п.-мо. *čerig* [Kow. 2128], мо. *цэрэг*, бур. *сэрэг*, калм. *цэрг*, ойр. *церег* ‘войско, армия; воин, солдат’ и др.

Способность дрожащего сонанта [r] обозначать мелькание, мельтешение однотипных предметов, имеющих узкую, вытянутую форму, обусловила появление в алтайских языках обширной группы корней с общим значением ‘передвигать ноги; двигаться’. В ср.-мо. *ǰoriya* [LH], п.-мо. *ǰоруа* [Kow. 2359], мо. *ǰороо*, бур. *ǰороо*, калм. *ǰора*, ойр. *ǰора* ‘иноходь’ изобразительный корень *ǰir-ǰir* соотносится с характером движения ног коня-иноходца, переставляемых не по диагонали, а односторонне, т.е. рядами: сначала правую заднюю и правую переднюю, потом левую заднюю и левую переднюю (ср. бур. *ербы*- ‘виднеться в виде стройных рядов’). Образ мелькания переставляющихся ног дал также глагол движения: ср.-мо. *yorči-* [LH, IM], *orči-* [MA 269], пкл.-мо. *ǰorči-* [Tum. 435], п.-мо. *ǰorči-* [Kow. 2406], мо. *зорчи*- ‘шестьствовать, идти’.

Во вторую категорию вошли мелкие, зачастую округлые предметы, обладающие гладкой поверхностью, отражающей свет. Их быстрое, прерывисто-кратное движение, легкое мелькание, мельтешение порождают значения ‘пестрый, пегий, разноцветный’: п.-мо. *eriyen* [Kow. 253], мо. *эрээн*, бур. *эрээн*, *эригэр*, калм. *эрэ*, ойр. *эрээ* ‘пестрота; пестрый, пегий’; бур. *эрээ марьян*, орд. *erēn merēn*; п.-мо. *miriyen*, мо. *мирээн* ‘пестрый, разноцветный’.

Несметное множество переливающихся на солнце маленьких рыбок, вызывающих рябь в глазах, отражено в п.-мо. *ǰiraǰaqai*, мо. *ǰараахай*, бур. *ǰараахай* ‘мальки; мелкая рыбешка’; п.-мо. *ǰirtaǰai* ‘рыбья икра’ [Kow. 2369], мо. *ǰарамгай*, калм. *ǰирмэхэ*, ойр. *ǰирмэхэхэ* ‘молодь, малек’; п.-мо. *qarbay-a*, мо. *харваа* ‘малек’. Ср.-мо. *siroxalǰin* [HY 12], пкл.-мо. *siryo:lǰin*, *siryo:lǰin* [Tum. 565], п.-мо. *siryulǰi(n)* [Kow. 1530], мо. *шоргоолж*, бур. *шоргоолжон*, калм. *шорһлжн*, ойр. *шорһолжн*, орд. *šurGulǰi*, *šurGülǰi*, *šorGolǰi*, даг. *suaigālǰi*, *suajhaleǰi*, мнгр. *šorGoǰin* [EDAL 1297] ‘муравей’ восходит к корню \**sirq/sir/ir* ‘нечто кишащее, мелькающее (во множестве)’:

п.-мо. *ira jira* ‘несчетный, бесчисленный’ [Kow. 318], бур. *ира-ира* ‘кишмя кишеть, мелькать’.

Данный модус перцепции обусловил появление ряда названий ягод: п.-мо. *nersü* [Kow. 625], мо. *нэрс*, бур. *нэрхэн*, калм. *нерх*, ойр. *нерехе* ‘голубика’; п.-мо. *nür* [Kow. 704], мо. *нүр* ‘черника’ (*нөр-нөр гэ* – ‘рябить, пестрить’); ср.-мо. *bürlügen* [MA 127], п.-мо. *bürilgene, büiriljēgene*, мо. *бүрэлгэнэ, бүрэлзгэнэ* ‘калина’ (п.-мо. *bürelje-*, мо. *бүрэлзэ* – ‘рябить, мелькать’). В ср.-мо. *уарта* ‘крупа’ [MA 387], п.-мо. *jarm-a* ‘мелкая крупа’ [Kow. 2305], мо. *зарам* ‘отруби (из рисовой крупы), мучные высебки’<sup>13</sup> корень *jarm* воспроизводит дискомфорт, возникающий в глазах при наблюдении множества мелких зернышек.

Известно, что глаза как человека, так и животных благодаря своим оптическим свойствам способны отражать попадающий в них свет: они могут сверкать, сиять, блестеть и пр. В монгольских языках широко представлены образные слова, характеризующие взгляд человека: п.-мо. *ортиуй-*, мо. *ормой-*, калм. *орма-*, ойр. *ормаа-* ‘озираться’; п.-мо. *tormiuyi-* [Less. 827], мо. *тормой-* ‘выпучиваться’; бур. *зэртэгэр*, калм. *зермһр*<sup>14</sup> ‘вытаращенный (о глазах)’; п.-мо. *jirtaγar, jirmeger* [Kow. 2370], мо. *жармагар, жирмэгэр*, ойр. *жирмегер* ‘узкоглазый’; п.-мо. *jirmelče-* ‘смотреть сладострастно’ [Kow. 2368]; п.-мо. *sirte-* [Kow. 1533], мо. *иурт-*, бур. *шэртэ-*, калм. *иурт-*, ойр. *иурте-* ‘впиваться глазами’; пкл.-мо. *giraqai nidii* [Tum. 243, 405], п.-мо. *kiraqai nidii* ‘зоркий глаз’ [Kow. 2549], мо. *гярхай* ‘обладающий исключительной зрительной памятью’.

Функционирование приведенного ряда лексем свидетельствует о том, что глагол смотрения ср.-мо. *qara-* [SH, MA 292, NYt], пкл.-мо. *qara-* [Tum. 522], п.-мо. *qara-* [Kow. 831], мо. *хар-*, бур. *хара-*, калм. *хар-*, ойр. *хар-*, орд. *xara-*, мог. *qara-*, мнгр. *харə-* [EDAL 648] ‘видеть; смотреть’ также может быть связан со способностью глаз отражать свет, т.е. < ‘сиять, сверкать’. В ср.-мо. *mergan* [NY 37, SH], пкл.-мо. *mergen* [Tum. 460], п.-мо. *mergen* [Kow. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мерген*, орд. *mergen*, даг. *mergen, meregen*, дунс. *мерҮен*, мнгр. *mergen, murgen* [EDAL 918] ‘меткий; меткий стрелок’ корень *\*merg*, на наш взгляд, мог передавать сосредоточенный взгляд во время прицеливания, что косвенно подтверждается функционированием глаголов: п.-мо. *mira-* ‘шпионить, подсматривать’, *miralkila-* ‘останавливаться по временам на пути и озираться, посматривать (например, зверолов на охоте)’ [Kow. 2026]; бур. *марья-* ‘нацеливаться’. В целом следует отметить некую затемненность, непрозрачность семантической деривации, породившей данное слово, однако на достигнутой ступени анализа можно сделать вывод о том, что разные значения *мэргэн*

<sup>13</sup> Ср. корень *\*zern* в рус. *зерно*, родственно лит. *žirnis* ‘горошина’, лтш. *zīrns*, др.-прусс. *surne* ‘зерно’ [Фасмер, 1967, с. 95–96].

<sup>14</sup> Ср. рус. *зр-ить, зр-ение, в-зор, зырк-ать, разг. зыр-ить, зорк-ий* и др.

‘меткий’ и ‘мудрый’ включаются в две различные этимологические канвы, которые могут быть объединены на базе звуко-символической интерпретации.

Таким образом, дрожащий сонант [r] служит для выражения однократного или прерывистого движения света, осложняющего или нарушающего восприятие. Цветообозначения, имеющие в составе корня дрожащий сонант [r], возникли на основе дискомфорта при зрительном восприятии яркого солнца (о желтом цвете) и сумерек (о темных оттенках). Также ценным представляется выявление целого ряда так называемых глаголов смотрения, актуализирующихся в языке с помощью восприятия сияющих, сверкающих глаз человека.

Акустико-артикуляционные характеристики согласного [m] позволяют ему выражать признаки ‘тусклый, смутный’ лишь в одном корне \**süim*: п.-мо. *süimeg, süimeki* [Kow. 1430], мо. *сүмгэр, сүүмгэр*, бур. *hүүмэгэр* ‘тусклый, неясный; мерцающий (о свете); подавленный’, ойр. *сүмелзе*- ‘мерцать, слабо светить’. Пмонг. форма \**süime* сопоставляется с Птунг. \**sim*- ‘тень, темное место’, а также изолированной формой в чувашском языке *sə<sup>m</sup>* ‘темнота, тень’ [EDAL 1290].

§4.2. «Актуализация вкусового восприятия» содержит анализ рефлексивно-номинативных функций согласных [r/m] в составе корней, передающих вкусовые ощущения. В связи с полимодальностью восприятия мы указываем в данном случае вкус как «ведущий» модус восприятия, хотя не исключаем присутствия сигналов других модусов, в особенности обоняния.

Выявлению особенностей вербализации вкусовых ощущений в монгольских языках в немалой степени способствуют названия спиртных напитков. Так, семантика корня \**dar* в ср.-мо. *darasun* [IM], пкл.-мо. *darasu(n)* [Tum. 362], п.-мо. *darasu(n)* ‘хмельной напиток; вино (некуреное)’ [Kow. 1664], мо. *дарс(ан)*, бур. *дархан*, калм. *дарасн* сопоставима с семантикой корня \**darb* в п.-мо. *darbigina*-, мо. *дарвигна*- ‘ощущать пряный, острый вкус’: *гич хэл дарвигнуулна* ‘горчица щиплет язык’, т.е. ‘горчица заставляет язык дрожать (др-р-р)’. Ср. также бур. *дархан* ‘кислый; кислятина; квасок’ [Мельхеев, 1969, с. 82]; як. *дьаар* ‘приторный вкус, привкус парного молока’; ма. *фургин* ‘острый (на вкус), жгучий, пряный’, *фургису* ‘имбирь’ [ССТМЯ, 1977, с. 303]. Корень \**tar*, также передающий признак ‘кислый’, возможно, заложен в названии кисломолочного напитка ср.-мо. *toraq* ‘кислое молоко, творог’ [LH], п.-мо. *taraγ*, мо. *тараг*, бур. *тараг*, калм. *тарг*, ойр. *тараг*, ‘*тарак* (род простокваши)’.

Словоформа пкл.-мо. *araki* [Tum. 302], п.-мо. *araki, ariki* ‘вино, водка, хмельной напиток’ [Kow. 143], мо. *архи*, бур. *архи*, калм. *арк*, ойр. *арке* ‘водка (из кислого молока); крепкие хмельные напитки’ в алтаистической литературе признается арабским заимствованием (от *arrâq* ‘пот, испарина; водка; выжатый сок, духи’), однако мы склоняемся к иному толкованию, впрочем, не претендуя на то, что наше объяснение правильное и единственно возможное. Допуская то, что лексема *arki* могла возникнуть в недрах собственно алтайской языковой общности, морфологически в ней можно

выделить корень \*ark, который в данном случае мог бы передавать обжигающий вкус данного напитка, хотя не исключено, что в процессе появления слова *архи* ведущую роль сыграло обоняние: ср. бур. зап. *архяар ард гэжэ ангила-* ‘издавать резкий запах водки’, где *ард* (звучит как *ар-р-рд*) передает резкость запаха.

Подтверждением возможности возникновения лексемы *архи* на почве алтайских языков могут служить синонимы, обозначающие следующие ступени перегонки водки: п.-мо. *араја* [Kow. 143], мо. *арз*, бур. *арза*, калм. *арз*, ойр. *арза* ‘молочная водка двойной перегонки’; п.-мо. *qоруја* [Less. 970], мо. *хорз*, бур. *хорзо*, калм. *хорз*, ойр. *хорза* ‘водка тройной перегонки’; п.-мо. *siraја* [Kow. 1522], мо. *шарз*, бур. окин. *шарза* ‘четверной спирт’, в которых доминанта [r] указывает на такие признаки, как ‘резкий, сильный, неприятный (о вкусе/запахе)’. Признаки ‘острый, жгучий’ в полной мере воплощены в п.-мо. *sir-a*, мо. *шар*, бур. *шара* ‘изжога; похмелье’; п.-мо. *šoru* [Kow. 1542], мо. *шор* ‘соленый на вкус’; п.-мо. *šorbuy* [Kow. 1543], *шорвог* ‘слишком соленый’, бур. *шороб* ‘острый, пряный (о блюде)’; ср.-мо. *sarimsaq* [MA 179], пкл.-мо. *sarimsay* [Tum. 545], п.-мо. *sarimsay* [Kow. 1335], *sarimsu*, мо. *саримс*, *саримсаг*, калм. *сэрмесг* ‘чеснок’; п.-мо. *sarana* ‘дикий чеснок’ [Kow. 1328], мо. *сарана*, бур. *һараана*, орд. *sarānaG* [EDAL 1123] ‘лилия тонколистная, саранка’ и др. Очевидно, что дрожащий характер сонанта [r] стал источником для развития в монгольских языках значений ‘острый, резкий, кислый, неприятный (о вкусе и запахе)’.

С помощью согласного [m] реализуется противоположное значение ‘сладкий; вкусный’. Как отмечалось выше, от корня \*tamš, обозначающего причмокивание, чавканье, образован глагол п.-мо. *tamsiya-* [Kow. 1646], мо. *тамшаа-*, бур. *тамшаа-*, калм. *тамша-*, ойр. *тамшаа-*, в котором первичное значение ‘чавкать’ развилось в ‘чмокать от удовольствия, смаковать’. Производящая основа \*tam выделяется в существительном п.-мо. *tamsuy*, *tangsuy*, мо. *тамсаг*, *тансаг* ‘удовольствие; лакомство, сласти’.

В §4.3. «Актуализация обонятельного восприятия» выявляется роль доминант [r/m] в языковом выражении ольфакторной (от лат. *olfactivus* ‘запах’) сферы сенсориума. В монгольских языках она вербализуется с помощью ограниченного числа лексем с корневым согласным [r]: бур. *сорьё-* ‘бить в нос (о запахе)’, *шороб* ‘резкий, едкий (о запахе)’; п.-мо. *kirbasun* ‘опаленная шерсть’ [Kow. 2553], мо. *хярвас* ‘запах горелой шерсти, ткани; гарь; чад’. Лексемой ср.-мо. *ја’ār*, *јār* ‘мускус’ [MA 192, 204], п.-мо. *larji*, мо. *ларз*, бур. *ларза*, ойр. *ларза*, калм. *зар* ‘кабарговая струя, мускус’ обозначается продукт, вырабатываемый семенными железами самца кабарги и обладающий резким специфическим запахом. Ср. также Птюрк. \*čer ‘запор (эвфем.); гнилой, сгнивший; гнить; грязь; труха, гниль’, Пкор. \*čiri- ‘плохо пахнуть’ [EDAL 434], эвенк. *чири-*, нан. *чирифтала-* ‘вонять, скверно, неприятно пахнуть’ [ССТМЯ, 1977, с. 399].

В других языках алтайской семьи зафиксированы лексемы, в которых доминанта [r], напротив, служит для манифестации душистого аромата: нан.

*сур*, *сур-р* ‘душисто, ароматно, пахуче’, ма. *сур сэмэ* ‘ароматно’ [ССТМЯ, 1977, с. 129], каз. диал. *зар* ‘благовоние; приятный запах цветов’ [Кайдаров, 1986, с. 220]. Эти примеры свидетельствуют о том, что согласный [r] служит для вербализации крайней степени полярных ощущений: очень неприятный ↔ очень приятный. В монгольских языках лексем с подобным значением не обнаружено.

Несколько иначе происходит вербализация ольфакторной информации с помощью согласного [m]. В прилагательных ср.-мо. *hümkei* [ЛН], *hümekei* [МА 191], пкл.-мо. *ömekei*, *ömökei* [Тум. 510], п.-мо. *ümükei*, *ümüki* [Kow. 537], мо. *өмх*, *өмхий*, *үмхий*, бур. *үмхи*, *үмхэй*, калм. *үмкэ*, ойр. *өмке*, дунс. *фумуһи* ‘гнилой; вонючий, зловонный’ корень \**ümk*, на наш взгляд, вербализует плотное сжатие губ и задержку дыхания во избежание попадания в легкие неприятного запаха.

Результаты показывают, что согласный [r], как и в предыдущих разделах данной главы, непосредственно передает внутренний дискомфорт, вызываемый резким, неприятным запахом. В случае же с согласным [m] мы наблюдаем развитие значений на основе озвучивания первоначально беззвучных подражательных жестов рта и носа. Следует отметить, что монгольские языки, как и алтайские языки в целом, не обладают большим разнообразием средств объективации вкусовой и ольфакторной информации по сравнению с языковыми средствами других видов восприятия.

В §4.4. «**Языковая интерпретация осязательного восприятия**» лексический материал распределяется в зависимости от того, действия каких рецепторов (экстеро- или интероцепторов) послужили основой для номинации. Если ранее мы в основном рассматривали аспекты актуализации действия экстероцепторов (слух, зрение, вкус, обоняние), то в данном параграфе также представлены лексем, связанные с действием интероцепторов. Классическая физиология органов чувств выделяет три вида кожной чувствительности: 1) механической; 2) термальной; 3) болевой.

В 4.4.1. «**Механорецепция**» определяется роль доминант [r/m] в восприятии ощущений прикосновения и давления. В актуализации признаков ‘шершавый, шероховатый; твердый, заскорузлый’, передаваемых корневым согласным [r], задействованы как тактильные, так и аудиальные структуры воспринимающего тела. Проведение подушечками пальцев рук по шершавой поверхности вызывает внутреннее дрожание (иногда раздражение), сопоставимое с акустико-артикуляционными признаками согласного [r]<sup>15</sup>. Указанные признаки в большинстве случаев реализуются в корнях с аффрикатами [ʃč] в ауслауте, также отсылающими к звучанию шуршащих, шелестящих, высохших предметов. Например, п.-мо. *erjiger*, *erčigir*, мо. *эржгэр*, *эрчгэр*, бур. *эржэгэр* ‘зернистый; шершавый’; ср.-мо. *sere'ü:n*, *sirü'ü:n*, *sirü:n* [МА 323], пкл.-мо. *sirigu:n* [Тум. 565], п.-мо. *sirügün* [Kow. 1527], п.-мо. *ширүүн*, бур. *шэрүүн*, дунс. *шиэрун* ‘шероховатый; жесткий’.

<sup>15</sup> Ср. рус. *ш-р-р*, *шерш*-авый, *шerox*-оватый; англ. *rough*, *rugged*; нем. *rauh*, фр. *grenu*, *rugueux* ‘шершавый’ и др.

Признаки ‘хрупкий, шуршащий’ проявляются в п.-мо. *dörsü*, мо. *дөрс* ‘шелуха, скорлупа’; п.-мо. *sarisun*, мо. *сарьс(ан)*, бур. *һарьһан* ‘перепонка; мембрана; пергамент’; ср.-мо. *korisu* [SH], п.-мо. *körüsü* [Kow. 2641], мо. *хөрс*, бур. *хурьһэн*, калм. *көрсн*, ойр. *көрсен*, орд. *korosu (koros)*, даг. *kurbus* [EDAL 827] ‘кожица, тонкий покров’, имеющей параллели в других языках алтайской группы: Птунг. *\*xura-hta* ‘кора; оболочка, кожица’; Птюрк. *\*kirtil* ‘поверхность; кора, верхний слой’ [EDAL 827]. В ср.-мо. *örmege* [IM], *ormege* [SH], п.-мо. *ermüge, örmüge* ‘шерстяная ткань; грубое сукно’ [Kow. 262, 589], мо. *өрмөг*, калм. *өрмг*, ойр. *өрмег*, орд. *ötmögö*, мнгр. *merge* [EDAL 1059] ‘рогожа, дерюга’, бур. бох. *урмэгэ* ‘половик’ возможно выделение корня *\*örm* ‘нечто грубошерстное’. М. Рясянен считает *өрмөк* тюркским словом, образованным от корня *\*(h)ör-* ‘плести, ткать’, а мо. *örmüge* – тюркским заимствованием [Räs. 375a].

Благодаря акустико-артикуляционным признакам согласного [m] стала возможной реализация в корнях с данной доминантой противоположных значений ‘пышный, пушистый; пухлый, мягкий’, которые реализуются в п.-мо. *bambaγar* [Less. 81], *bembeger, bumbaγar*, мо. *бамбагар, бэмбэгэр, бумбагар*, бур. *бамбагар*, калм. *бамбр*, ойр. *бамбахар* и др. Среди наиболее характерных «воплотителей» признаков следует отметить п.-мо. *sambai*, мо. *самбай* ‘усы, борода’, бур. *һамбай*, сел. *самнай* ‘челка’; п.-мо. *bambursi* [Kow. 1081], мо. *бамбарш, бамбарууш* ‘медвежонок’; п.-мо. *γamba*, мо. *гамба [цэцэ]* ‘мимоза’. Таким образом, доминанты [r/m] участвуют в манифестации тактильных перцепций: «шершавое ↔ пушистое»<sup>16</sup>, «твердое ↔ мягкое», лежащих в основе концептуальных систем и позволяющих воспринимать важнейшие параметры окружающего мира.

В 4.4.2. «Терморцепция» зафиксированы корни с доминантой [r], способные передавать ощущение холода и жара в монгольских языках. Работа холодных рецепторов, явственно ощущаемая при дуновении на ладони, отражается в следующих формах: п.-мо. *berbeyi-* [Kow. 1127], мо. *бэрвий-* ‘коченеть, деревенеть от холода’; п.-мо. *čarbalja-*, мо. *царвалза-* ‘трястись от холода’; п.-мо. *čerčeyi-* [Kow. 2128], мо. *цэрций-* ‘промокать насквозь’; п.-мо. *jarayı-*, мо. *зарай-* ‘чувствовать себя нездоровым; мороз по коже дерет’; п.-мо. *sirbegede-* ‘получить так называемую гусиную кожу’ [Kow. 1531]; бур. *сэрье-* ‘обдавать холодом, дуть’.

Работа тепловых рецепторов, воспринимающих высокую температуру, отражена в п.-мо. *örbis-* [Kow. 587], мо. *өрвөс хий-* ‘вспыхивать’; пкл.-мо. *dürü-* [Tum. 375], п.-мо. *durba-*, мо. *дурва-* ‘пылать (об огне)’; бур. *дүрэ-, дүргэ-*, мог. *durga-, duru-* [EDAL 485] ‘гореть, сгорать’, калм. *дөр-* ‘чувствовать холод, тепло’ и др. На алтайском уровне приводится монгольско-тунгусская изоглосса: Птунг. *\*dur-* ‘гореть, пылать; разводить огонь’ [EDAL 485].

<sup>16</sup> Следует отметить, что признак ‘гладкий’ реализуется в монгольских языках с помощью переднеязычного, щелевого, бокового [l].



Следует подчеркнуть, что лексемы, связанные с огнем, являются наиболее сложными в плане выявления ведущего модуса перцепции, поскольку глазами можно воспринимать блики, вспышки огня, ушами – слышать его треск, кожей – ощущать его жар, что свидетельствует о тесной взаимосвязи ощущений разных рецепторов в процессе восприятия любого предмета или явления. Это подтверждает так называемый закон множественности номинации, согласно которому в основе названия одного и того же объекта могут лежать разные признаки, один и тот же признак, в свою очередь, может быть положен в основу названия разных денотатов. Таким образом, доминанта [r] служит языковой актуализации работы холодовых рецепторов, осуществляющих тактильное восприятие воздуха, ветра, воды, и тепловых рецепторов, связанных с восприятием жара, огня. Случаев участия доминанты [m] в репрезентации термальной чувствительности в монгольских языках не зафиксировано.

В 4.4.3. «Болевая чувствительность» основное внимание уделяется лексемам, в которых доминанта [r/m] передает работу ноцицепторов. Если предыдущие два вида чувствительности связаны с поверхностью кожи, находящейся на «периферии» осязательной модальности человеческого тела, то болевая чувствительность связана как с поверхностными, так и с глубинными структурами осязания.

Связанное с истинным повреждением ткани ощущение пронзительной, резкой боли, отдающейся внутри звуком *яр*, заложено в ср.-мо. *yara* [IM], *yara* [MA 387], пкл.-мо. *yar-a* [Tum. 629], п.-мо. *yara* [Kow. 2300], мо. *яр*, бур. *яра*, дунс. *јага* ‘рана; язва, болячка’, дунс. *ірун* ‘гнойный абсцесс’, бур. *ярья-* ‘ныть, ломить (о костях)’. Ощущение жгучей, саднящей боли проявляется в п.-мо. *qorsu-*, мо. *хорс-*, калм. *хорс-*, ойр. *хорса-* ‘чувствовать жгучую боль; саднить’; бур. *хордо-* ‘болеть от ожога; жечь’; п.-мо. *ere-*, мо. *эр-* ‘воспалиться (о женской груди)’; п.-мо. *erkere-* [Kow. 272], мо. *эрхрэ-* ‘саднить; испытывать щиплющую боль’; п.-мо. *sirq-a*, *sirqan* ‘рана (от пореза, пули); язва, уязвление’ [Kow. 1528], мо. *шаpx*, бур. *шаpxa*, калм. *шаpx*, ойр. *шаpxa*, орд. *šarxa* ‘рана, язва, ссадина’; ср.-мо. *sirqa-* [SH], п.-мо. *sirbegede-* ‘чувствовать нестерпимую боль в теле’, *sirkira-*, *sirkire-* ‘чувствовать ломоту (в костях и членах)’ [Kow. 1530, 1534], бур. *шаpxда-* ‘жечь’, даг. *šerkire-*, мнгр. *sgirē-* [EDAL 1517] ‘ощущать острую боль’. Для выражения ноющей боли в монгольских языках используются п.-мо. *mermerki-* ‘хворать, чувствовать боль в животе’ [Kow. 2019], мо. *мэр мэр хий-*, калм. *мер-мер* ‘резать, колоть (о боли в животе)’; п.-мо. *nöri* ‘укоренелая болезнь’, *nöri-* ‘не переставать хворать’ [Kow. 704].

Несколько приглушенные болевые ощущения в могут также выражаться с помощью доминанты [m] в п.-мо. *čimkii-*, мо. *чимхий-* ‘болеть, стрелять (при ощущении боли)’; п.-мо. *жим*, мо. *жим жим* ‘боль, вызванная щипками’, *жим жим өвд-* ‘пульсировать’; п.-мо. *simsire-* [Kow. 1506], мо. *шимширэ-*, бур. *шэмшиэр-*, калм. *шимшир-*, ойр. *шимшире-* ‘ныть, ломить’.

В 4.4.4. «Эмоции и чувства» аргументируются случаи языковой актуализации чувств и эмоций, поскольку результаты исследования

демонстрируют способность дрожащего сонанта [r] активно участвовать в данном процессе. Значения большинства рассматриваемых здесь лексем выражаются средствами доминанты [r], характеристики которой сопоставимы с полярными чувствами и эмоциями и передают крайнюю степень их проявления.

Корень *ḡr* в ср.-мо. *ḡrqa-* [НУ 37, SH, НУt], пкл.-мо. *ḡrḡa-* [Тум. 430], п.-мо. *ḡrḡa-* ‘веселиться; благоденствовать’ [Kow. 2366], мо. *жарга-*, бур. *жарга-*, калм. *жирф-*, ойр. *жирфе-*, орд. *ḡrGa-*, даг. *ḡarga-*, *ḡirga-*, ж.-уйг. *ḡargə-*, мнгр. *ḡrGa-* [EDAL 1555] ‘быть счастливым, блаженствовать’ служит для экспликации ощущения внутреннего возбуждения, радости: ср. п.-мо. *darbi-* [Kow. 1680], мо. *дарви-* ‘приходить в состояние радостного возбуждения при виде шумной толпы’; бур. *дэрбэлзэ-* ‘быть в приподнятом настроении’, *дэрбэ-* ‘восторгаться’. Так же, как и страх, состояние счастья в первую очередь обусловлено телесными ощущениями: переизбыток эмоций сопровождается учащением сердцебиения и дыхания, общего ритма работы организма (*д-р-р*, *ж-р-р*). Если, по нашему предположению, счастье воспринимается в осязательной модальности, то Л. С. Левитская видит в глаголе *жарга-* результат зрительного восприятия, возводя его к имитативной основе \**йар* ~ *жар* ‘сверкнуть, блеснуть’ [ЭСТЯ, 1989, с.146].

Противоположное состояние в монгольских языках выражается с помощью словосочетания п.-мо. *örü ebed-* ‘душевно скорбеть, быть сердобольным, искренне сожалеть’ [Kow. 581], мо. *өр өвд-*, бур. *үрэддэ-* ‘душа болит; щемит под ложечкой’, где компонент пкл.-мо. *örü* [Тум. 125, 512], п.-мо. *örü* ‘внутренность чего-л.’ [Kow. 581], орд. *oro*, *or*, мог. *oura* ‘сердце, душа’ [EDAL 1064], по всей видимости, индицирует притупленное ощущение щемления под ложечкой, сопряженное с чувством тревоги, жалости. Впоследствии это ощущение было перенесено на анатомический орган, в котором наиболее велика жизненная активность.

Значения ‘страх, испуг; стыд’ в монгольских языках представлены в лексемах п.-мо. *sirbegede-* ‘не знать куда деваться от стыда’ [Kow. 1531]; мо. *сэрд хий-*, *эрхий-* ‘замереть о сердце’; п.-мо. *süruy-e* ‘страх, ужас’ [Kow. 1435]; п.-мо. *bürki-* ‘испугаться’ [Kow. 1262]; п.-мо. *kirü-* [Less. 473], мо. *хяр-* ‘замирать (от сильного страха)’; бур. *хурүү* ‘застенчивый’; п.-мо. *kirtki-* [Kow. 2553], мо. *хиртхий-* ‘быть пораженным ужасом’.

Корневой согласный [m] зафиксирован лишь в обозначениях гордости, высокомерия и обиды, при этом здесь мы уже имеем дело не с внутренними ощущениями, а со зрительным восприятием лица, точнее, губ человека: пкл.-мо. *отуу* [Тум. 495], п.-мо. *отуу* [Kow. 412], мо. *омог*, бур. *омог*, калм. *омг*, ойр. *омог* ‘гордость, высокомерие’; п.-мо. *tuma*, мо. *тум* ‘чванство, надменность’<sup>17</sup>; бур. *гом*, калм. *ном* ‘жалоба, обида’. Здесь использование согласного [m] сопряжено с произвольным движением мышц рта, сопровождающим ощущения и эмоции. Данные примеры демонстрируют

<sup>17</sup> Ср. англ. *to prim* ‘принимать строгий, официальный вид; напускать на себя важность’, *to prim (up) one’s lips (mouth)* ‘поджимать губы’.

возникновение психо-эмоциональных ассоциаций с акустическими характеристиками доминант.

В 4.4.5. «Кинестетическая чувствительность» исследуется лексическая экспликация таких витальных и органических ощущений, как бодрость, напряжение, ожидание, сексуальное напряжение, сила и физическое отвращение, которые возникают благодаря работе интероцепторов, в том числе проприорецепторов, находящихся в мышцах, сухожилиях и соединительных тканях, покрывающих внутренние органы. Корень \**ser* передает пробуждение, оживление: ср.-мо. *seri-* [HY 35, SH], *sere-* [HY 33, SH, LH], *sere-, seri-* [MA 320], *sīr-* [IM], пкл.-мо. *sere-, seri-* [Tum. 550], п.-мо. *sere-* [Kow. 1370], мо. *сэр-*, бур. *hэpu-*, калм. *сep-*, орд. *sere-*, мог. *sera-*, даг. *sere-*, дунс. *sieri-*, бао. *sere-*, ж.-уйг. *ser-*, мнгр. *sari-* [EDAL 1219] ‘воспрянуть; просыпаться’. Пмонг. \**seri-* ‘просыпаться; замечать’ сопоставляется с Птюрк. \**sEr-* (~-ē-) ‘чувствовать, воспринимать’ [EDAL 1219].

В монгольских языках можно выделить ряд образных лексем, которые можно охарактеризовать как обозначения напряжения. Несомненную ценность для этимологизирования представляет глагол п.-мо. *kīrbeyi-* ‘напрягаться (о жилах)’, зафиксированный О. М. Ковалевским [Kow. 2646] и не упоминающийся в современных монголоязычных словарях. Согласный [r] в образном корне \**kūrb* указывает на достаточно высокую степень напряжения сухожилий, которое, судя по субстантивам, передается с помощью корней \**qurb* и \**sirm/sirb*: п.-мо. *qurbasu*, мо. *хурвас* ‘жила, сухожилие’; ср.-мо. *sirmusu* [SH], *sirbusun* [HY 48], *sirbüsün* [LH, IM], *sirbüsün* [MA 130], пкл.-мо. *sirbüsün* [Tum. 565], п.-мо. *sirbusu(n)*, *sirmusu(n)* [Less. 716], мо. *шөрмөс(өн)*, бур. *шүрмэхэн*, *шүрбэхэн*, калм. *шүрүсэн*, ойр. *шүрвесен*, орд. *šorwos*, *šorwosu*; даг. *sirbes*, *sirbus*, мнгр. *šbuзэ*, *šuluзэ*, *šurbusэ* [EDAL 1383–1284] ‘жила; сухожилие; нервы’. Напряжение различных групп мышц тела соотносится с напряжением мышц артикуляционного аппарата.

Благодаря проприорецепторам человек может чувствовать не только положение тела, движения, но и силу. Данный аспект вербализации ощущений отразился в следующих лексемах: п.-мо. *ir*, мо. *ур* ‘сила, мощь, энергия; воля, желание, охота, стремление’; п.-мо. *urm-a* [Kow. 468], мо. *урам*, бур. *урма(н)*, калм. *урмд*, ойр. *урма*, орд. *urta*, дунс. *uruta* [EDAL 621] ‘настроение; ободрение; охота, желание’; п.-мо. *dorbi* [Less. 262], мо. *дорви* ‘мощь, сила; способность’<sup>18</sup>, бур. *дорьбо* ‘физическое состояние’; п.-мо. *bir-a* [Kow. 1152], мо. *бяр*, бур. *бира*, калм. *бар* ‘сила, мощь’; п.-мо. *sür* [Kow. 1434]; мо. *сүр*, бур. *һүр*, калм. *сүр*, ойр. *сүр* ‘величие; сила, мощь’; калм. *сүрэ* ‘воодушевление, подбадривание’. Для Пмонг. \**urta* помимо Птунг. \**uri* ‘радоваться’ авторы Алтайского словаря приводят Птюрк. \**ira* ‘характер; настроение, проявление чувств’ и Пяп. \**ürià-* ‘веселый, радостный’,

---

<sup>18</sup> Болг. *зор* ‘власть, сила’, сербохорв. *зоp* ‘ярость, вспыльчивость’ восходят через тур. *zor* к перс. *zōr* ‘сила’, авест. *zāvar-* ‘мощь, сила’ [Фасмер, 1971, с. 81].

справедливо отмечая, что это «один из многочисленных общих алтайских терминов для выражения эмоций» [EDAL 621–622].

В ср.-мо. *erke* [MA 164], пкл.-мо. *erke* [Tum. 392], п.-мо. *erke* ‘власть, могущество, сила; способность; воля’ [Kow. 263], мо. *эрх*, бур. *эрхэ*, калм. *эрк*, ойр. *эрке* ‘право, полномочие, власть’ первоначальным, на наш взгляд, было значение ‘внутренняя сила, энергия’, что подтверждает п.-мо. *yabuqi erke ügei* ‘не иметь силы, быть не в состоянии ходить’ [Kow. 264]; пкл.-мо. *erketen* [Tum. 392], п.-мо. *erketen* [Kow. 265–266], мо. *эрхтэн*, бур. *эрхэтэн*, калм. *эрктн*, ойр. *эркетен* ‘органы тела’. В твердорядном «отражении» ср.-мо. *arqa* [SH 9], *арҫа* [MA 105], п.-мо. *арҫа* [Т 314], п.-мо. *арҫа* [Kow. 158], мо. *арҫа*, бур. *арҫа*, калм. *арһ*, ойр. *арһа*, орд. *arGa*, даг. *arga*, *arehe*, дунс. *raG*, ж.-уйг. *arag*, мнгр. *arGa* [EDAL 313] ‘способ, метод’, по всей видимости, также исходной следует признать сему ‘сила, способность совершить что-л.’. Ср. п.-мо. *arqaγ*, мо. *архаг* ‘большой, сильный, могучий’.

На основе значения ‘сильное желание, стремление’ возникли следующие формы: ср.-мо. *јори-* [MA 208], пкл.-мо. *јори-* [Tum. 435], п.-мо. *јори-* [Kow. 2402], мо. *зори-*, бур. *зори-* ‘стремиться; направляться, устремляться’; п.-мо. *ermelje-* [Less. 281], мо. *эрмэлз-* ‘стремиться; сильно желать, мечтать’, бур. *эрмэлзэ-* ‘настойчиво стремиться’; ср.-мо. *duran* [LH], *dura(n)* [SH, MA 145], пкл.-мо. *dura(n)* [Tum. 372–373], п.-мо. *dura(n)* [Kow. 1879], мо. *дур*, бур. *дуран*, калм. *дурн*, ойр. *дуран*, орд. *dura*, мог. *doron*, даг. *duar*, дунс. *duran*, ж.-уйг. *dura*, мнгр. *durān* [EDAL 483] ‘желание, стремление; любовь’.

Сексуальное напряжение передается с помощью следующих лексем: пкл.-мо. *urin* [Tum. 607], п.-мо. *urin* [Kow. 439], мо. *урин* ‘пылкая страсть’; п.-мо. *miraya*, *miriy-a* ‘страсть, вожделение’; пкл.-мо. *qurica-* [Tum. 537], п.-мо. *qurica-* ‘чувствовать вожделение’ [Kow. 956–957], мо. *хурьца-* ‘чувствовать половое влечение’, бур. *хуриса-*, калм. *хурц-* ‘вождесть’. Физическое отвращение, сопровождаемое содроганием, выражается с помощью корней *\*ir/jir/jar*, которые также формируют поле термальной рецепции: п.-мо. *јарайи-*, мо. *зарай-* ‘мороз по коже дерет’, калм. *ирвэтр-* ‘знобить’. В связи с этим в русском языке выглядит неслучайной близость корней *мур-*ашки, *мёрз-*нуть и *мерз-*ость. Бур. *жэрхэ-* ‘чувствовать отвращение, брезговать’; мо. *зарс хий-* ‘мгновенно чувствовать неприязненность’; п.-мо. *irbeyi-*, *irbegene-*, мо. *ирвий-*, *ирвэгнэ-* ‘ощущать прикосновение к телу насекомых, меха, волос’ имеют тюркские параллели: *йер-~йери-~йарсы-* ‘чувствовать брезгливость’. В т.-ма. языках: эвенк. *јарунин-*, ульч. *н'ирбасу-*, нан. *ирбаси-* ‘брезговать’ [ССТМЯ, 1975, с. 253, 639].

Артикуляционный признак губно-губного [m], при произнесении которого происходит смычка, сжимание губ, обусловил функционирование звуко-символического корня *\*ĉim*, условно воспроизводящего звук щипания пальцами: п.-мо. *ĉimki-* ‘щипать; срывать ногтями’ [Kow. 2172], *ĉimĉi-* [Less. 185], мо. *чимхэ-*, бур. *шэмхэ-*, калм. *чимк-*, орд. *ĉimke-*, даг. *ĉiēk*, бао. *ĉoŋGə-*, ж.-уйг. *ĉimke*, мнгр. *ĉiŋgi-*, *ĉimō-* [EDAL 430] ‘пощипывать; защемлять’. Корень *\*ĉim* восстанавливается в других языках алтайской общности: Птюрк.

*čim-* ‘щипать, брать щипком’, Птунг. *č[i]m-* ‘хватать когтями; ковырять в зубах; брать щипком’, Пяп. *túm-* ‘срывать, хватать пальцами’, Пкор. \**čim* ‘кулак; горсть’ [EDAL 430].

На истоки развития значения ср.-мо. *kimusun* [HY 46, SH], *kimul* [SH], *qimusun* [LH, IM], *qimusun* [MA 298], пкл.-мо. *kimusu* [Tum. 449], п.-мо. *kimusu(n)* ‘когти (у птиц и хищных зверей); ногти’ [Kow. 2538], мо. *хумс*, бур. *хюмһа(н)*, калм. *хумсн*, ойр. *хумсан*, орд. *хитусу*, мог. *qimsun*, *qetsun*, даг. *kimči*, *kimeči*, дунс. *Gəmusun*, *Gimusun*, бао. *Gomsoŋ*, ж.-уйг. *xəməsən*, мнгр. *čimuzə*, *čimusə* [EDAL 819] ‘ноготь; коготь’ проливает свет субстантивная форма п.-мо. *kimsa*, мо. *хямсаа* ‘пинцет, ухват, щипцы’, в которой корень \**kims* вполне сопоставим с \**čimk*. Ср. каз. *кымты-* ‘защемить’ [Кайдаров, 1986, с. 255]. В таком случае слово *kimusun* можно интерпретировать как ‘нечто, с помощью чего можно зашипнуть, выдернуть что-л.’.

Воплощение в корне \**nim* образа ‘нечто тонкое’, несомненно, продиктовано артикуляторными особенностями согласного [m]: сжимая губы, человек символически передает тонкость описываемого объекта: ср.-мо. *ningen* [HY 53], *nimgen* [IM], *nimgen* [MA 257], пкл.-мо. *nimgen* [Tum. 484], п.-мо. *nimgen* [Kow. 663], мо. *нимгэн*, бур. *нимгэн*, калм. *нимгн*, ойр. *нимген*, орд. *netgen*, *nimgen*, *netgun*, даг. *ningen*, дунс. *ninkien*, *ninkian*, бао. *niŋgaŋ*, ж.-уйг. *netgen*, *neŋgen*, мнгр. *neŋgen* [EDAL 989] ‘тонкий (о плоских предметах)’. Прилагательное образует изоглоссу с Птунг. \**nem(i)-* ‘тонкий’ [EDAL 989].

В ряде лексем согласный [m] благодаря смыканию губ передает процессуальное значение стягивания, затягивания чего-л.: п.-мо. *отиуи-*, мо. *омой-* ‘стягиваться, собираться в складки (напр. о коже от ожога)’; п.-мо. *qatki-*, мо. *хамхи-*, ойр. *хамха-* ‘смыкать, закрывать’. Процесс стягивания ярко отражен в субстантивах: п.-мо. *qombuγ-a*, *qimbaγ-a*, мо. *хомбого*, *хумбага* ‘мешок с отверстием, стягиваемым ремнем’; п.-мо. *šumal* [Kow. 1541], п.-мо. *sumal*, мо. *сумал* ‘небольшая войлочная сумка (для зерна)’. Идея собирания чего-л. воедино, в центр, на наш взгляд, заложена в пкл.-мо. *qати-* [Tum. 519], п.-мо. *qати-*, *tата-* [Kow. 807, 1643], мо. *хам-*, *там-*, бур. *хама-*, калм. *хам-*, ойр. *хама-* ‘захватывать все; сгребать’; п.-мо. *čоти-* [Kow. 1403], мо. *цом-*, бур. *сомо-* ‘стоговать сено; складывать в кучу’. Рассмотренные в данном разделе лексемы вытекают из изобразительного потенциала [m] как губно-губного звука, передающего значения ‘сжимать’, ‘щипать’, ‘стягивать’, ‘собирать воедино’ и др.

В **заключении** обобщаются результаты исследования и формулируются характерные особенности актуализации чувственного восприятия средствами корневых согласных [r/m] в монгольских языках.

Описание типологических и специфических признаков пласта лексики с корневыми согласными [r/m] позволило выявить семиотические, психологические, психофизиологические и лингвистические основания звукосимволической сущности языка, поскольку исследование возможностей фоносемантики предполагает рассмотрение не только языковой системы, но и языковой личности – личности, осуществляющей номинацию. Особую

ценность представляет выявление особенностей мыслительной деятельности в процессе номинации, поскольку, как известно, сущность языковых единиц понимается отчетливее, когда прослеживаются механизмы их создания.

Если учесть, что понятие наделено образностью, то выражение понятия означает облечение его в словесную форму с учетом того, что в доминанте закодированы сведения о конкретных свойствах обозначаемой вещи, явления. Доминанта формирует целый класс сходных предметов, объединенных тем или иным генеральным признаком. В связи с этим в качестве этимонов необходимо рассматривать не конкретные предметы или действия, а образы, иначе образные отклики, возникающие в сознании носителей языка при предъявлении той или иной звуковой оболочки.

Так, если яркое образное прилагательное *балсагар* 'полный, толстый' имеет корреляты в субстантивной сфере *балсан* 'мышцы, мускулы', а прилагательное *балтагар* 'толстый и неуклюжий' – корреляты *балта* 'молот, кувалда', то не обязательно существительные следует считать основами для развития образных значений. К сожалению, зачастую исследователей не интересует происхождение «готовых» слов со значениями 'мышцы', 'топор' и др. У носителей языка при предъявлении форм *балсагар* [хун], *балхагар* [гар] в первую очередь явственно возникает в сознании образ полного человека, пухлых рук. При этом люди часто пытаются помочь себе руками передать оттенки того или иного образа (например, *морхогор*, *мархагар*, *парнагар*, *тирнагар* – о носе)<sup>19</sup> или приводят в качестве примера конкретного человека, «сверх меры» наделенного данным признаком. Поэтому и *балсагар* 'полный, толстый', и *балсан* 'мышцы, мускулы' следует считать производными от омертвело-дескриптивного корня \**bals* со значением 'нечто пухлое, толстое', при этом субстантив следует признать хронологически более поздним образованием, номинально «вырвавшимся» за пределы образной лексики, но сохранившим с ней тесную морфологическую и семантическую связь.

В изысканиях ученых по звуко-символизму на материале разноструктурных языков сформулировано около двухсот фоносемантических закономерностей, или универсалий, которые делятся на абсолютные и относительные. Наше исследование подтвердило такие абсолютные универсалии, как: звукоизобразительные (ЗИ) слова образуют систему; между ЗИ-словом и его денотатом существуют закономерные соответствия; умножение состава корня ЗИ-слова есть одно из средств интенсификации его значения; минимум один фонемотип в ЗИ-слове имеет природу, идентичную природу денотата; элемент строения денотата может отражаться в ЗИ-слове более чем одним способом; стержневым компонентом ЗИ-слова класса фреквентативов служит [r]; частота появления лабиальных в обозначениях округлого значительно превышает вероятное ожидание. К

---

<sup>19</sup> Как отмечает один из информантов, «в начальных классах нам с братьями, подругами очень нравилось открывать «Бурятско-русский словарь» на букву «п» и изображать те образные слова, которые там встречались. Также мы любили брать старые фотографии, желательно незнакомых нам людей, и подбирать к их внешнему виду образные прилагательные» [Бадмаева С. Д., 1963 г.р., род *шоно*, Баргузинский р-он].

материалу изобразительной системы в монгольских языках применимы следующие относительные универсалии: обозначения «большого», «открытого», «широкого» содержат открытый широкий гласный; обозначения «малого» содержат закрытый узкий гласный или палатальный согласный; обозначение «темного» содержит низкий (по тону) гласный.

Таким образом, изобразительная лексика монгольских языков поддается классификации и может быть выделена в изобразительную систему языка, которой присущи такие признаки системы, как концепт (звукоизобразительность как системообразующее свойство), субстрат (доминанта как носитель звукоизобразительности) и структура (трихотомия, включающая генетический, диахронический и синхронический аспекты).

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что совокупность первичных основ в монгольских языках делится на группы в зависимости от способа поступления перцептивной информации, каждая из которых примыкает к определенному звуковому материалу и из него образована. Широкий спектр образных корней служит для передачи тончайших нюансов качеств, формирует богатый словарь для обозначения предметов и явлений, порой отличающихся друг от друга едва заметными, незначительными признаками.

Дрожащий сонант *[r]* передает дрожание, трепетание, обусловленные самим качественным своеобразием звука и в большинстве случаев ведущие к внутреннему дискомфорту. Способность доминанты *[r]* передавать восприятие холода и жары, зловония и аромата, состояние счастья и тревоги обусловлена тем, что они представляют собой крайнюю степень проявления противоположных начал. Так, глагол п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-*, бур. *урья-* имеет общее значение 'обдавать', сочетающееся с лексемами, связанными с разными видами рецепторов: холодowymi (мо. *нуруу хүйт орги-* 'обдавать холодом в спину', бур. *нэрюу урья-* 'веять прохладой'); тепловыми (мо. *чих халуу оргиулж байна* 'уши пылают', бур. *халуу урья-* 'обдавать жаром') и обонятельными (мо. *өмхий орги-* 'отдавать зловонием'). Прилагательное п.-мо. *qurča* (ср. рус. *резкий, острый*) также применимо к реалиям, относящимся к различным сенсорным модальностям: слуховой (*хурц сонор* 'острый слух'), зрительной (*хурц гэрэл* 'яркий свет', *хурц өнцөг* 'острый угол'), тактильной (*хурц өвчин* 'острая боль'), обонятельной (*хурц цоргисон үнэр* 'резкий запах') и вкусовой (*хурц идээ* 'острая еда'). Данные примеры свидетельствуют о синкретизме семантики языковых единиц, семантических признаках, мотивирующих метафорические и метонимические переносы в интермодальные сферы, о явлении синестезии в области обозначения физических ощущений.

В лексемах с доминантой *[m]* принципиальное значение имеет как место артикуляции – губы, так и способ артикуляции – сжатие губ, поскольку именно они послужили источником символизации признаков в процессе номинации. Исследование подтвердило способность кинем служить мимическими подражаниями процессам и формам внешней природы.

В работе выявлено 588 корней четырех типов, из них 75 % приходится на корни с доминантой [r]. Наряду с изобразительной лексикой было проанализировано 760 единиц с затемненной этимологией, процентное соотношение частей речи выглядит следующим образом: существительные – 75 %, глаголы – 17 %, прилагательные – 7 %, менее 1 % приходится на числительные, наречия и превербы.

О соотношении анлаутных и ауслаутных согласных можно судить по данным следующих диаграмм.

Диаграмма 1  
C<sub>ан</sub> в корнях с C<sub>D</sub> [r]

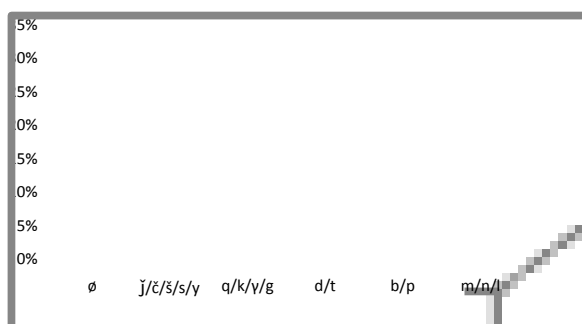
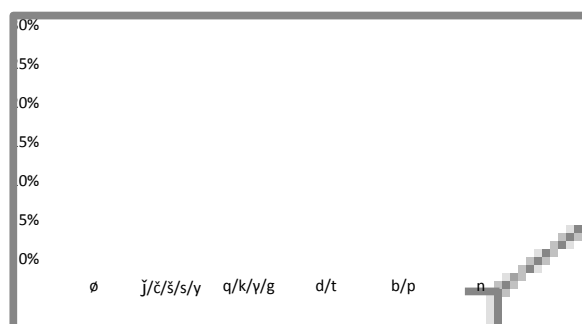


Диаграмма 2  
C<sub>ан</sub> в корнях с C<sub>D</sub> [m]



Как видно, позиции согласных в анлауте примерно одинаковы, за исключением того, что согласный [m] не может выступать в позиции как анлаута, так и ауслаута.

Диаграмма 3  
C<sub>аус</sub> в корнях с C<sub>D</sub> [r]

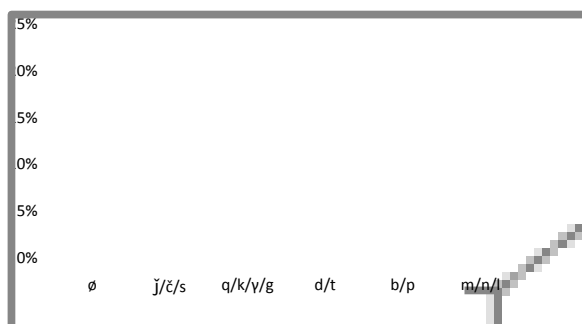
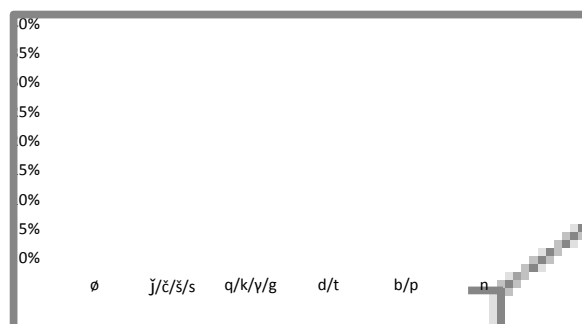


Диаграмма 4  
C<sub>аус</sub> в корнях с C<sub>D</sub> [m]



В финальной позиции корней с доминантой [r] активны как аффрикаты, спиранты, так и смычные согласные. Менее представлен в ауслауте блок сонантов [m/n/l], доминанта [m] также с ними практически не сочетается. По всей видимости, это можно объяснить тем, что и сами [r/m] относятся к сонорным согласным. Отмечается высокая степень сочетаемости доминанты [m] с смычными [b/p].

С точки зрения фоносемантики можно прийти к выводу, что «сильный» согласный [r] стремится к сочетанию в ауслауте с такими же «сильными» согласными, как [j/č/s], [t/d], которые усиливают проявление генерального признака. «Смягчающие» же семантику согласные [b/p], [m/n/l] занимают по отношению к ним периферийную позицию. Например, в *арзгар* ‘оскаленный’ аффриката [j] подчеркивает генеральный признак ‘торчащий, остроконечный’, смычный [b] в *арвагар* ‘лохматый’ его смягчает. Что



касается влияния смычных [q/k/γ/g] на семантику корня, то их позицию можно признать нейтральной в связи с тем они наиболее органично передают финальную фазу звучания, не придавая ему оттенка резкости, внезапности.

«Мягкая» доминанта [m] также стремится к сочетанию с «мягкими» [b/p], образуя кластер [mb], встречающийся в 33 % производных. Активность «сильных» согласных ниже более чем в два раза, что верифицирует тенденцию к сочетанию «сильной» доминанты с «сильным» аусллаутом и «мягкой» доминанты с «мягким» аусллаутом. Исследование других согласных в позиции доминанты и их сочетаемость с согласными в финальной позиции в дальнейшем позволят подтвердить или опровергнуть эти выводы.

Широкая вариативность гласных в составе изобразительных корней монгольских языков позволила нам приложить данный признак и к корням, формирующим лексику с затемненной внутренней формой. В образных корнях нами выявлена тенденция к обозначению с помощью гласного [a] более крупных объектов, а гласного [u] – более мелких.

Сопоставление слов с доминантами [r/m] в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках свидетельствует, что все они с незначительными отклонениями охватывают один и тот же диапазон звуков, отражая сходство фонематического и естественного звучания согласно своей фонетической традиции. Границы фоносемантических полей доминант во многом совпадают. Несомненно, дальнейшее изучение звукосимволических свойств других согласных в роли доминант позволит уточнить некоторые проведенные в данной работе реконструкции, которые вносят определенный вклад в выявление общих генеральных линий воплощения перцептивной информации в монгольских, и шире в алтайских языках.

Фоносемантический анализ лексем с корневыми согласными [r/m], демонстрирующее законсервированное древнее состояние монгольских языков, позволил установить исконный корневой состав монгольских языков и в определенной степени раскрыть его номинационный потенциал. Следует признать, что не все лексем с доминантами [r/m] поддаются точной этимологизации, что объясняется сложностью ассоциативной линии и синкретичностью значений лексем. Но, тем не менее, исследование демонстрирует очевидную тенденцию полевого структурирования значений, объединенных общим элементом – звуком. Дальнейшее изучение звукосимволических свойств других согласных в роли доминант, несомненно, позволит уточнить и, возможно, изменить некоторые проведенные в данной работе реконструкции, которые вносят определенный вклад в выявление общих генеральных линий воплощения перцептивной информации в монгольских, и шире в алтайских языках.

### **Основные публикации по теме диссертации**

#### *Монографии*

1. Сундуева, Е. В. Проприальное словообразование в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2005. – 131 с. – 7 п.л.

2. *Сундуева, Е. В.* Топонимия Ольхона и Приольхонья: семантика онимических основ / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 128 с. – 7,5 п.л.
3. *Сундуева, Е. В.* Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 344 с. – 22 п.л.

### **Статьи в журналах, рекомендованных ВАК**

#### **для публикации основных положений докторской диссертации**

4. *Сундуева, Е. В.* Способы фонетической адаптации морфов в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 18: Востоковедение. – Улан-Удэ, 2005. – Вып. 1. – С. 103–109. – 0,5 п.л.
5. *Сундуева, Е. В.* Архаическая ландшафтная лексика в языке «Сокровенного сказания монголов» / Е. В. Сундуева // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2009. – № 39 (177). – С. 140–144. – Сер. «Филология. Искусствоведение». Вып. 38. – 0,5 п.л.
6. *Сундуева, Е. В.* Аффиксация образных слов в монгольском языке / Е. В. Сундуева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2010. – № 1 (20). – С. 91–94. – 0,4 п.л.
7. *Сундуева, Е. В.* Аспекты номинации диких и травоядных животных в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – Махачкала, 2010. – № 3(12). – С. 103–107. – 0,5 п.л.
8. *Сундуева, Е. В.* Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным [r]) / Е. В. Сундуева // Mongolica-IX: сб. ст. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 99–102. – 0,5 п.л.
9. *Сундуева, Е. В.* Изобразительная природа гидрографической терминологии в языке «Сокровенного сказания монголов» / Е. В. Сундуева // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2010. – № 4. – Ч. II. – С. 133–136. – 0,4 п.л.
10. *Сундуева, Е. В.* Интерпретация ощущения боли и чувства страха в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Филология. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – Вып. 10. – С. 132–136. – 0,6 п.л.
11. *Сундуева, Е. В.* Образная семантика орографической терминологии в языке «Сокровенного сказания монголов» / Е. В. Сундуева // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2010. – № 3. – С. 154–158. – 0,6 п.л.
12. *Сундуева, Е. В.* Особенности реализации вкусового восприятия в монгольских языках (на примере односложных корней с дрожащим сонантом r) / Е. В. Сундуева // Вестник Челябинского государственного

- университета. – Челябинск, 2010. – № 13 (194). – С. 132–136. – Сер. «Филология. Искусствоведение». Вып. 43. – 0,5 п.л.
13. *Сундуева, Е. В.* Специфика реализации диады «мужское – женское» в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2010. – № 2. – С. 121–126. – 0,6 п.л.
14. *Сундуева, Е. В.* Фоносемантические функции согласного [m] в односложных корнях монгольских языков / Е. В. Сундуева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2010. – № 126. – С. 194–200. – 0,5 п.л.
15. *Сундуева, Е. В.* Реализация признака «пестрый» в монгольских названиях насекомых и растений / Е. В. Сундуева // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 151–156. – 0,6 п.л.

#### Статьи в научных сборниках и журналах

16. *Сундуева, Е. В.* Парадигматический аспект морфонологии в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева // Актуальные проблемы языков, истории, культуры, образования в странах АТР: материалы докл. III Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых преподавателей. – Владивосток, 2003. – С. 236–238. – 0,2 п.л.
17. *Сундуева, Е. В.* The functioning of stems of figurative words in the modern Mongolian language / E. V. Sundueva // The International Symposium on Mongolian Studies of China. – Huh-hot, 2005. – P. 82. – 0,1 п.л.
18. *Сундуева, Е. В.* Монгол хүний нэрийг дагаврын аргаар бүтээх нь / Е. В. Сундуева // Монгол судлалын эрдэм шинжилгээний бичиг. – Улаанбаатар, 2005. – X. 69–78. Боть XXV (248). – 1 п.л.
19. *Сундуева, Е. В.* Аффиксы прилагательных со значением возможности / невозможности действия в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева // Санжеевские чтения-6 : Актуальные проблемы монголоведения : материалы всеросс. конф. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 104–105. – 0,3 п.л.
20. *Сундуева, Е. В.* Административно-территориальная терминология автономного округа Внутренняя Монголия КНР / Е. В. Сундуева // Имя. Социум. Культура : материалы II Байкальской междунар. ономастич. конф., Улан-Удэ, 4 – 6 сент. 2008 г. – Улан-Удэ, 2008. – С. 171–174. – 0,5 п.л.
21. *Сундуева, Е. В.* Ойконимическая терминология в топонимии АО Внутренняя Монголия (КНР) / Е. В. Сундуева // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VI Всерос. науч. конф. / Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2008. – С. 117–121. – 0,4 п.л.
22. *Сундуева, Е. В.* Культурные места бурят: Бархан, Ольхон и Алханай / Е. В. Сундуева // Язык как народное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия : сб. тр. междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 9 – 13 сент. 2009 г. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 218–225. – 0,4 п.л.

23. Сундуева, Е. В. Лексическая экспликация семемы «поклонение» в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований : материалы междунар. конф., посв. 70-летию проф. В.И. Рассадина, Элиста, 11 – 13 нояб. 2009 г. – Элиста, 2009. – С. 187–189. – 0,3 п.л.
24. Сундуева, Е. В. Острова Приольхонья: структурно-семантический анализ / Е. В. Сундуева // Межкультурная коммуникация: аспекты лингводидактики : материалы межвуз. метод. семинара, 20 нояб. 2009. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2009. – Вып. 2. – С. 118–122. – 0,3 п.л.
25. Сундуева, Е. В. Остров Ольхон: к семантике названия / Е. В. Сундуева // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему : материалы IV междунар. симп. / науч. ред. Р. И. Пшеничникова. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. – С. 505–510. – 0,3 п.л.
26. Сундуева, Е. В. The phenomena of interfixation in the modern Mongolian language / Е. В. Сундуева // Comparative Study on culture of Transnational Nomadic Peoples: materials of the 16<sup>th</sup> world congress / The international union of anthropological and ethnological sciences, July 27 – 31. – Kunming (China), 2009. – P. 20. – 0,1 п.л.
27. Сундуева, Е. В. Звукоподражательная основа глаголов речевой сферы с корневым сонантом [r] / Е. В. Сундуева // Монгол судлалын чуулган. – Улаанбаатар, 2010. – Боть № 9 (44). – 39–48-р х. – 0,6 п.л.
28. Сундуева, Е. В. Круговой танец бурят *ёхор*: к семантике термина / Е. В. Сундуева // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 200–207. – 0,4 п.л.
29. Сундуева, Е. В. Номинационный потенциал корня \**ʃir* в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Языковое бытие и этноса : когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения).– М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – Вып. 17. – С. 167–174. – 0,5 п.л.
30. Сундуева, Е. В. Роль словообразовательного суффикса *-нга* в бурятских гидронимах / Е. В. Сундуева // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: материалы межвузовского методического семинара, 16 марта 2010 г. – Вып. 5. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2010. – С. 146–151. – 0,3 п.л.
31. Сундуева, Е. В. Семантическая реконструкция монгольских гидронимов *Керулен* и *Селенга* / Е. В. Сундуева // Монгол судлал өөрчлөгдөн буй ертөнцөд : хөгжлийн хэтийн төлөв : ОХУ-ын нэрт Монголч эрдэмтэн Н. О. Шаракшиновагийн мэндэлсний 95 жилийн ойд зориулагдсан олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2010. – 276–254-р х. – 0,5 п.л.
32. Сундуева, Е. В. Семантическая структура слова *aral* в монгольских языках / Е. В. Сундуева // «Нүүдлийн соёл иргэншил ба буриад-

- монголчууд» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2010. – С. 263–268. – 0,5 п.л.
33. Сундуева, Е. В. Символическая функция корневой фонемы [r] в некоторых монгольских соматизмах / Е. В. Сундуева // Языки и письменные источники монгольских народов : материалы междунар. науч. конф., проведенной в рамках Конвента монголов мира. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 29–33. – 0,5 п.л.
34. Сундуева, Е. В. Фоносемантическая характеристика согласного [r] в односложных основах монгольских языков / Е. В. Сундуева // Языковое бытие и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения). – М. : ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – Вып. 16. – С. 213–219. – 0,5 п.л.
35. Сундуева, Е. В. Языковая интерпретация тактильного восприятия в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры: материалы регион. науч.-практ. конф., Иркутск, 23 апр. 2010 г. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – С. 86–94. – 0,5 п.л.
36. Сундуева, Е. В. Репрезентация процессуального значения ‘дышать’ в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: материалы научной сессии, посв. 60-летию проф. Л. В. Шулуновой. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 142–145. – 0,4 п.л.
37. Сундуева, Е. В. Звукосимволическая основа числительных *yurban*, *dörben* в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Монгол судлалын чуулган. – Улаанбаатар, 2011. – Боть № 10 (45). – Дэвтэр 1-39. – 51–56-р х. – 0,5 п.л.